

ИРИНА ГРИН

СЕТИ
КРУЖЕВНИЦЫ

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

Ася и Кристина

Ирина Грин
Сети кружевницы

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Грин И.

Сети кружевницы / И. Грин — «Эксмо», 2020 — (Ася и Кристина)

ISBN 978-5-04-110497-9

В детективное агентство «Кайрос» обратился Петр Бородин с просьбой найти мать Инги, внучки его старой знакомой. У него есть собственные соображения по поводу тайны происхождения девушки, но он не спешил ими делиться... У Инги сохранились смутные воспоминания о матери, ведь ее вырастила бабушка. Вся жизнь девушки сосредоточена в коклюшках, на которых она плетет удивительной красоты кружева. Но действительность грубо врывается в ее уютный мирок, когда кто-то присылает ей письмо с угрозами... Некоторым тайнам лучше оставаться в прошлом. Когда их извлекают на свет, это может привести к непредсказуемым последствиям...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110497-9

© Грин И., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	15
Глава 2	20
Глава 3	23
Глава 4	25
Глава 5	28
Глава 6	30
Глава 7	36
Глава 8	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ирина Грин

Сети кружевницы

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Грин И., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Пролог

Снегопад прекратился, но резкий ветер разогнал пешеходов по домам. Нужный дом Инга увидела сразу. Его нельзя было не увидеть. Единственная на всю улицу новенькая шестнадцатиэтажка, великан, затесавшийся в компанию низкорослых соседей. Домофон на входной двери защищал жильцов от непрошенных гостей. Конечно, будь на месте Инги кто-нибудь другой, непременно позвонил бы. Но она предпочла мерзнуть, пока из подъезда не выскочил парень в распахнутом пальто. Нужная квартира находилась на двенадцатом этаже. Открытая дверь лифта звала прокатиться, но стоило Инге подойти, как она с устрашающим лязгом захлопнулась, словно мышеловка.

Инга тщательно отряхнула сапоги от снега и только потом нажала на кнопку вызова. Она понимала, что сапоги – это лишь предлог, способ отодвинуть неминуемо приближающуюся встречу, и ругала себя за трусливую слабость.

Пол лифта ощутимо дрогнул под ногами, словно в кабину вошла не стройная невысокая девушка, а тетка килограммов под сто с двумя увесистыми пакетами в руках. Инга испуганно попятилась. Стоило ей снова оказаться в относительной безопасности подъезда, как створки дверей неспешно пошли навстречу друг другу, а потом резко захлопнулись, словно челюсти прожорливого зверя. Такому только попадись! Перспектива стать чьим-нибудь обедом не радовала, поэтому, в очередной раз махнув рукой на ежедневно даваемое себе обещание ничего не бояться, Инга пошла наверх пешком. А почему бы и нет? При ее малоподвижном образе жизни двенадцатый этаж – то, что доктор прописал.

«Ли-ля-ле», – напевала про себя Инга, поднимаясь по ступенькам.

Лиля Леонидовна. Ли-ля-ле. Странно, что женщина с настолько певучим именем так назвала свою дочь – Инга. Имя твердое, словно обломок камня. Острое, неудобное. То ли дело Лиля! Лилия. Лилия Леонидовна. Имя – будто песня соловья, птицы пусть и невзрачной, но с чистой нежной душой. Хотя, судя по фотографии, невзрачной Лилию Леонидовну не назовешь. Блондинка с короткими волосами, уложенными перышками, она, скорее, похожа на ценосного журавля и совсем не напоминает бабушку.

Бабушка – та скорее сродни вороне. Белой – сколько Инга себя помнила, две бабушкины косички, которые она сплетала на макушке в виде венка, были совершенно седыми. А еще бабушка была ни на кого не похожей. Абсолютно. Небольшого росточка, сухонькая, она обладала воистину фантастической особенностью заполнять собой все окружающее пространство, обволакивать, находиться одновременно в каждой точке их небольшого домика в Кулишках. Порой бабушки было так много, что Инге хотелось убежать, спрятаться, скрыться, чтобы хоть на несколько минут вырваться из-под опеки, накрывшей, казалось, всю деревню разноцветным лоскутным одеялом.

В такие минуты Инга отлично понимала свою мать, сбежавшую из дома после девятого класса и отбросившую всю свою предыдущую жизнь, как змея ставшую тесной кожу. Очевидно, выходя замуж, она сменила не только фамилию, но и имя с отчеством, превратившись из Галины Семеновны Гусевой в Лилию Леонидовну Дунаеву. Хотя с замужеством не очень понятно – в свидетельстве о рождении у Инги в графе «Отец» стоит прочерк. Аккуратненький такой и очень обидный, потому что отец у Инги точно был. Она, конечно, мало что помнит – к моменту, когда мама привезла ее к бабушке ненадолго, и, как потом оказалось, насовсем, ей было всего пять лет. Но отец – вечно мрачный, недовольный, пугающий – сохранился в памяти. Нет, он не приходил в снах, как мама, не напоминал о себе случайно пойманным в воздухе отголоском аромата знакомых духов, мягкой интонацией чьего-то голоса. Он просто был.

На десятом этаже Инга остановилась – не для того, чтобы перевести дух, нет. Просто с каждым шагом страх перед предстоящей встречей становился все сильнее. Лестница каким-

то непонятным способом превратилась в болото. Каждая ступенька затягивала, и для нового шага приходилось буквально выдирать ногу из трясины.

«Трусиха! – обругала себя Инга. – Соберись! Хотя бы ради бабушки! Ведь она так этого хотела!»

Легко сказать – соберись. Но как это претворить в жизнь? У Инги в запасе имелись два волшебных слова, ее своеобразная мантра, позволяющая на время выпасть из реальности. Наверное, именно благодаря ей она выстояла в атмосфере всеобъемлющей бабушкиной опеки и не сбежала, как мать, полностью обрубив концы, сменив имя, отчество и фамилию. Слова эти, многократно произнесенные, избавляли голову от ненужных мыслей, суеты и тревог, помогали сконцентрироваться и обрести пусть слабую, но все-таки уверенность в своих силах.

«Перевить, – Инга поставила ногу на первую ступеньку лестничного пролета, сделала шаг и добавила, – сплести. Перевить-сплести. Перевить-сплести»... Трясина отступила, превратившись в проселочную дорогу после дождя. Ноги все еще вязли, но не так, как раньше.

Вообще-то, перевить-сплести – это два основных приема плетения кружев на коклюшках. Перевить – перебросить правую коклюшку одной пары через левую. Сплести – поменять местами внутренние коклюшки, из правой руки подсунуть под левую и натянуть. И вот так, перевивая и сплетая, сотни лет кружевницы плели кружева, передавая свой дар детям. Вот только мама не захотела принять этот дар у своей мамы, и он достался Инге. Почему так получилось? Может, мама обижалась на кружева, считая, что бабушка любит их больше, чем свою дочь? А может, имелась еще какая-то причина? Еще пара ступенек, и Инге представится возможность это узнать.

На лестничной клетке перед дверью квартиры, где жила мать, Инга машинально пригладила волосы, смахнула невидимые пылинки с плеча, выдохнула и решительно нажала на кнопку звонка.

В глазке свинцово-серой металлической двери произошло какое-то движение. Инга поняла, что кто-то внимательно рассматривает ее. Затем дверь приоткрылась. На пороге стояла невысокая темноволосая девушка, судя по всему, ровесница Инги.

– Чего надо? – недовольно спросила она.

Уверенность, приобретенная два лестничных пролета тому назад, разом покинула Ингу, и ноги словно превратились в русалочий хвост – вроде они и есть, но невозможно сделать ни шагу.

– Здравствуйте! – из последних сил стараясь сохранить спокойствие, произнесла она. – Мне нужна Лилия Леонидовна. Позовите ее, пожалуйста.

Но звать не пришлось.

– По какому вопросу? – К девушке присоединилась женщина.

Инга заметила, что они очень похожи: темноволосые, смуглые, с большими карими глазами и крупными ртами, они чем-то напоминали двух галок. У Инги промелькнула мысль, что прошедшие годы были не слишком добры к матери, превратив ее из венценосного журавля в галку. Но все-таки прошло почти двадцать лет. Неизвестно, в кого она сама превратится в этом возрасте.

– Я... Я... – не в силах произнести ни слова, Инга полезла в висевшую на плече сумочку и, порывшись, вытащила из нее свидетельство о рождении в прозрачной пластиковой папке. – Я – ваша дочь, Инга.

На несколько секунд на лестничной площадке воцарилась немая сцена, вроде той, из гоголевского «Ревизора», а потом молодая галка выкрикнула:

– Что? Какая еще дочь?

– А ну-ка. – Галка постарше вырвала из рук Инги злополучную папку и крепко стиснула ее запястье. – Дочка, звони срочно в полицию. Сейчас узнаем, кто украл твои документы! Мошенница!

– Я?.. Нет! – Инга что есть силы дернула на себя зажатую, словно тисками, руку.

Не ожидавшая такой прыти галка слегка ослабила хватку. Инга ухитрилась выскользнуть из ее цепких пальцев и рвануть вниз по лестнице. Бывшая трясина превратилась теперь в батут, каждая ступенька пружинила, благодаря чему Инга не перебирала ногами, а взлетала и переносилась через несколько ступенек со скоростью быстрокрылого стрижа. Вот за спиной хлопнула дверь подъезда, и холодный зимний ветер обжег пылающее лицо.

Она неслась, не видя ничего вокруг. Сердце бешено колотилось, под ногами оглушительно скрипел снег, а в ушах продолжал звенеть надрывный крик:

«Дочка! Звони срочно в полицию!.. Мошенница... Украла!.. Мошенница!.. Украла!.. В полицию!..»

Она уже давно поняла, что за ней никто не гонится, крик – это игра ее разгоряченного воображения. То ли от колючего ветра, то ли от отчаяния из глаз текли слезы. Кто-то попытался остановить ее. Кто-то ухватил за локоть и спросил, все ли в порядке. Кто-то разразился вслед замысловатой бранью. А она все неслась, подгоняемая стыдом и отчаянием, пока не оказалась на вокзале.

Ближайший поезд через полтора часа. Инге повезло – билеты в кассе еще остались. Расплатившись и уточнив, с какого пути отправляется состав, она вышла на перрон. Морозный воздух щипал щеки. В воздухе пахло чем-то мерзким – то ли горелой резиной, то ли смазкой. Конечно, можно было подождать в зале ожидания, но Инга боялась – вдруг Лилия Леонидовна осуществила свою угрозу и позвонила в полицию. Она же показала свой паспорт при покупке билета, и полиции не составит труда вычислить похитительницу чужого свидетельства о рождении. И не только свидетельства. По сути, она, Инга, присвоила себе чужую личность. Конечно же, сделала она это не нарочно, не отдавая себе отчета в своих действиях. Но, как известно, незнание не освобождает от ответственности.

Меря шагами перрон, местами опасно покрытый наледью, Инга заранее морально готовила себя к предстоящей дороге. Казалось бы, что сложного в путешествии поездом? Смотри себе в окно, мечтай и слушай вполуха болтовню случайных попутчиков. Но именно этого Инга и опасалась больше всего – не столько чужих разговоров, сколько продиктованной элементарной вежливостью необходимости подбрасывать хоть какие-то реплики в костер беседы. Сюда она ехала в купе с очень разговорчивой женщиной, не умолкавшей буквально ни на минуту. Речь попутчицы напоминала бесконечный тропический ливень. К концу пути Инга, казалось, уже знала всю ее подноготную.

Сейчас она не была готова к подобному испытанию. Ей хотелось сидеть в темноте и беречь свои раны, раз за разом извлекая на белый свет неудавшуюся попытку встретиться с матерью. Однако судьба сжалась над девушкой – в новеньком плацкартном вагоне, в котором Инга возвращалась домой, набралось от силы человек десять. В своем купе Инга была одна. По-хорошему, нужно было лечь, постараться выбросить из головы все мысли и поспать. Но сон не шел. Инга смотрела на свое отражение в вагонном окне, встревоженное и несчастное, а в голове крутился навязчивый вопрос: «Кто я? Кто я?»

К концу путешествия у нее разболелась голова, и даже свежий морозный воздух, встретивший ее на выходе из душного вагона, не принес облегчения.

– Такси! Ехать! Девушка, такси нужно? – атаковали Ингу со всех сторон.

Она лишь отчаянно мотала головой, непроизвольно ускоряя шаг. Перспектива ехать куда-нибудь с абсолютно чужим мужчиной пугала. Инга ездила только с Петром Васильевичем. Или с Антоном на машине Петра Васильевича.

Один из особо назойливых водителей поймал Ингу за локоть. Она вскрикнула, одернула руку, попятилась, наткнулась на кого-то и, оглянувшись, увидела перед собой полицейского.

«Неужели нашли? Так быстро?» – Она испуганно попятилась.

– Девушка! – начал полицейский, и Инга, не дожидаясь продолжения фразы, бросилась бежать.

Ей казалось, что она слышит за спиной топот ног, поэтому, вместо того чтобы направиться на автобусную остановку, понеслась по Артиллерийской, свернула на Советскую. Еще три квартала – и она оказалась на улице Лазаревской, перед входом в магазин под вывеской «Антикварная лавка». Магазин этот принадлежал Петру Васильевичу Бородину, бабушкиному другу, которого та перед смертью попросила помочь Инге отыскать мать.

Из последних сил Инга толкнула дверь и фактически ввалилась в жаркое помещение.

– Инга! – Петр Васильевич находился в торговом зале и, мгновенно оценив бедственное состояние своей подопечной, бросился на помощь. – Что с тобой! Господи, ты вся дрожишь!

– Я не Инга! – Она забилась в его руках, неожиданно оказавшихся не по-стариковски сильными. – Не Инга! Кто я? Кто?

– Пойдем! Пойдем! – Петр Васильевич осторожно приобнял ее и повел в свой кабинет, находившийся тут же, при магазине. – Расскажешь мне все. Да?

В кабинете за директорским столом расположился Антон Волынкин, единственный продавец. Он был студентом, готовился к сессии и старался воспользоваться каждой мало-мальской okazji, чтобы подтянуть свои многочисленные хвосты. При виде шефа он вскочил.

– Антон, ты ступай пока в зал. Вдруг кто придет, а я тут... Сам понимаешь.

Зубы Инги выбивали дрожь, размазанная вокруг глаз тушь напоминали синяки. Сердце, казалось, пульсировало уже в глазах, отчего мир вокруг подпрыгивал в такт его ударам.

– Может, нужна какая-нибудь помощь? – напуганным видом Инги, спросил Антон. – Воды? Лекарства? Может, в полицию?..

Последнее слово вызвало у Инги очередной приступ истерики.

– Ступай, Антоша, мы тут сами, – скомандовал Петр Васильевич, одной рукой пытаясь удержать Ингу, а другой – налить в стакан воды. – Вот, выпей.

Она обхватила стакан обеими руками, сжав его, словно хотела раздавить.

– Это не моя мать, понимаете! Она сказала, что я украла свидетельство о рождении ее дочери.

– Знаешь, я предполагал что-то подобное. Как-то не верилось, что Галина действительно сменила имя и отчество. Прости, я, наверное, должен был поехать с тобой.

– Нет, – Инга решительно замотала головой. – Я и так доставила вам столько хлопот.

– Да ладно, какие там хлопоты. – Петр Васильевич ободряюще похлопал ее по плечу. – Ты, может, голодна? Или хочешь чаю?

Как можно думать о еде в таком состоянии? Инга с трудом сдерживалась, чтобы не выплеснуть на старика душившую ее обиду на жизнь. Надо что-то делать, иначе мозг взорвется. Она обхватила голову руками. Зачем? Ну зачем она согласилась на эту авантюру? Зачем искать мать, которой и без нее вполне хорошо! Только из-за того, что этого хотелось бабушке? Но бабушке теперь по большому счету все равно. Неужели даже после смерти она не разомкнет кольцо своей опеки?

– А знаешь, – Петр Васильевич сел на огромный кожаный диван, занимавший почти половину кабинета, – я недавно встретил одного своего знакомого. Он бывший банкир. Я еще с матушкой его был знаком, милейшая женщина. Так вот, банкир этот сейчас работает в детективном агентстве. Название такое замечательное – «Кайрос». Знаешь, что оно означает?

Говорил он медленно, задушевым тоном, слегка растягивая слова, и сердце Инги невольно замедлялось, успокаиваясь и возвращаясь на место.

– Что-то из древнегреческой мифологии? – она еще всхлипывала, дергала носом, но уже могла говорить более-менее спокойно.

– Точно! У греков было два бога времени – Хронос и Кайрос. Хронос – это бог времени, прошедшего и всепожирающего. А Кайрос – бог удачи, бог счастливого случая. Я еще когда с ним пообщался, пожалел, что не назвал так свой магазин. Здорово было бы – «Антикварная лавка „Кайрос“». Может, к нему обратиться за помощью? А?

– Это же, наверное, ужасно дорого, – возразила Инга. – Детективное агентство... У меня нет денег...

– Ерунда! Деньги есть у меня. Согласна?

Инге ничего не оставалось, как кивнуть, – не сидеть же истуканом. Старик может обидеться, а обижать его совсем не хотелось. Уж очень он был славным, заботился об Инге с тех самых пор, когда она появилась в Кулишках. А еще он организовал в своем магазине небольшую витрину с бабушкиными кружевами. Тогда ассортимент был небогатым – воротнички, салфеточки, дорожки. Это уже Инга, учась в старших классах, обнаружила в библиотеке книгу по кружевоплетению и предложила плести браслеты, серьги, колье, перчатки, зонтики, палантины и даже кардиганы. Но кардиганы – это уже исключительно под заказ. А заказчики были постоянно, и порой количество их явно превышало возможности Инги. Но она не жаловалась – уж очень ей нравилось то, что она делала. Она любила песню коклюшек и постепенно растущий на валике узор. Нет, конечно, бывали и рутинные заказы. Например, сплести десять метров кружева на свадебное платье. Но тогда Инга надевала наушники и слушала радио, а в последнее время – аудиокниги. Она очень любила трогательные истории непременно со счастливым концом. Будь ее воля, она бы всю жизнь так и просидела за валиком с наколотым на него сколом¹ под перестук коклюшек.

Но воли не было. Сначала бабушке непременно нужно было, чтобы она окончила школу. Инга к тому времени уже сплела свой первый плетешок² и попала в плен магии кружев. В мечтах она представляла, как плетет кружева не хуже мастериц из их деревни, о которых так любила рассказывать бабушка. Они порой всем миром собирали деньги за возможность перерисовать – «сколоть» сколок. Бралась для этого любая мало-мальски подходящая бумага. Письма, конверты, газеты сшивались нитками для получения нужного размера. Тогда кружевниц в деревне было десятка два. Сейчас осталась одна бабушка. Да и вообще в деревне постоянно проживало только пять семей. Остальные навевались преимущественно летом, в пору ягодно-фруктово-грибного изобилия, чтобы в преддверии осени снова вернуться в лабиринты городских улиц. А потому школы в Кулишках не было. То есть само здание осталось, но, лишенное обитателей, оно постепенно старело, ветшало, болело. Инге приходилось ходить за три километра в Екатеринино. Причем спуску бабушка ей не давала. Дождь, снег, ветер – ничто не могло стать предлогом для пропуска занятий. Инга пробовала было сетовать, но бабушка выдвигала альтернативное предложение – интернат в Рослани, за полторы сотни километров от Кулишек. Ездить оттуда домой не то чтобы каждый день, а даже на выходные, денег, по бабушкиному выражению, не настачишься. Только на каникулы. Конечно же, Инга выбрала Екатеринино. Училась ровно, но без особого интереса – главный интерес дожидался ее дома. А потому она старалась как можно внимательнее слушать на уроках и делать письменные домашние задания на переменках, чтобы, вернувшись из школы, не тратить зря время.

Окончив школу, Инга с облегчением вздохнула – теперь можно всецело отдаться любимому занятию. Вопрос о работе не стоял – Петр Васильевич устроил ее в свою фирму. Заказы давали нормальный, по меркам Кулишек, заработок. Чего еще желать? Но тут Петр Васильевич заявил, что Инге просто необходимо получить высшее образование. И бабушка, которая

---

¹ Сколок – выполненная в натуральную величину схема будущего плетения.

² Плетешок – основной элемент кружева: туго сплетенный шнур из 4 нитей (на двух парах коклюшек).

до этого никогда ни о чем подобном не заикалась, горячо его поддержала. Учеба в городе страшила. Ведь для этого нужно было разорвать привычно тесный круг общения и впустить в него новую, пугающую жизнь. Умения отстаивать свою позицию у Инги не было – не учили этому в Екатерининской школе. Поэтому противостоять совместному натиску бабушки и Петра Васильевича она даже не пыталась и в сентябре стала студенткой заочного отделения Института культуры в Рослани по специальности «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы».

И хотя многие ее сокурсники рассматривали учебу на заочном отделении как очередь за дипломом, который не факт, но, может быть, и принесет какую-нибудь пользу в дальнейшей жизни, Инге учеба дала очень много. Теперь она сама могла создавать сколки будущих кружев – сначала рисовать эскизы на бумаге, а потом переносить их с помощью сканера в компьютер. Взяв лучшее от различных школ кружевоплетения – елецкой, вологодской, михайловской, вятской, белевской, – она выработала свой собственный неповторимый стиль.

Получив диплом, она по-прежнему обитала в Кулишках. В ее маленькой комнатке поселился компьютер и дорогуший широкоформатный принтер для печати сколков – подарок Петра Васильевича. Теперь она могла целиком отдаться любимому делу.

А потом заболела бабушка. Все началось с обычной простуды, дальше – больше. В декабре екатерининский доктор заподозрил у нее пневмонию и, несмотря на бабушкины протесты, настоял на госпитализации.

В день, когда «Скорая» увозила бабушку и сопровождающую ее Ингу в больницу, Кулишки накрыл мощный снегопад. Водитель что есть силы крыл транспортников, которых зима, как всегда, застала врасплох. Возвращалась Инга пешком по знакомой с детства дороге. Снег все падал и падал, и она подумала, что нужно сплести бабушке такой вот снежный палантин. Почему-то за столько лет она ни разу не сплела для нее что-нибудь стоящее. Все на продажу, будь она неладна. А для самого дорогого в ее жизни человека – нет. И хотя дома на валике у нее был наколот заказ – большая скатерть, Инга, в первый раз в жизни, отложила ее. Рисунок палантина уже жил в воображении, оставалось только набросать его на экране компьютера, а умная программа, подхватив идею, создаст прообраз будущего изделия.

Рассвет застал Ингу за работой. Она отвлеклась, только чтобы сварить бабушке куриный бульон. Бабушка, когда Инга болела, всегда поила ее куриным бульоном, считая его панацеей от практически всех известных медицине болезней. Сварить бульон оказалось не так уж просто – стряпуха из Инги никакая. Готовила всегда бабушка, а продуктами регулярно забивал холодильник Петр Васильевич. К старости у бабушки уже не получалось плести кружева – глаза не те, да и пальцы не такие ловкие. Поэтому они разделили обязанности – Инга работала, а бабушка, по ее выражению, «подносила патроны», то есть тарелки с едой, чашки с чаем-кофе-молоком.

Когда, укутав банку в несколько слоев газеты и теплый мохеровый шарф, Инга натягивала пальто, чтобы бежать в больницу, раздался телефонный звонок. Звонила медсестра. «Очень сожалею, – сказала она. – У вашей бабушки ночью оторвался тромб».

«Это ошибка, это ошибка, – горячо убеждала себя Инга, пока бежала в больницу. – Ведь она даже не спросила мою фамилию. Она же должна была спросить! Мало ли кто мог взять трубку! Ведь у каждого... ну почти у каждого человека есть бабушка! А то и две!»

Но стоило увидеть глаза медсестры, сразу стало ясно – нет. Не ошибка. Пакет с бульоном в банке выпал из рук. Шарф смягчил падение и не дал ей разбиться. Инга, судорожно вздохнув, опустилась на пол рядом с банкой, прижала ее к себе. Она так и не застегнула пальто, и горячее содержимое даже сквозь многочисленные «одежки» обжигало. От боли перехватывало дыхание. Хотя, может быть, дело было вовсе не в бульоне.

Мимо, не обращая внимания на сидящую на полу девушку, пробегали, проходили, ковыляли какие-то люди. Инге тоже не было до них никакого дела. Сквозь стоящие в глазах слезы

она видела только ноги. А потом она почувствовала, как кто-то холодный, пахнувший морозом, тяжело опустился на пол рядом с ней. Инга с трудом повернула голову. Это был Петр Васильевич. «Как? Откуда?» – подумалось Инге, но она лишь кивнула, осторожно, чтобы не потревожить застывшие слезы. Но им и этой малости было достаточно. Сорвавшись, они понеслись по щекам.

– Ну, ну, – сказал Петр Васильевич и протянул ей платок.

И больше ничего не сказал. Через какое-то время он встал, помог Инге подняться и застегнул, словно ребенку, пуговицы на пальто, вывел на улицу, посадил в машину и отвез домой.

Только позже Инга узнала, что в больнице, когда оформляли документы, бабушка попросила в случае чего звонить и ей, и Петру Васильевичу, дала два телефона. Бабушка было очень мудрой и предусмотрительной. Инге, к сожалению, этого не дано.

Петр Васильевич взял на себя все хлопоты по организации похорон. Инга же круглые сутки плела палантин. И успела-таки.

– Не жалко красоту такую закапывать? – спросила работница морга, разглядывая бело-снежное кружево, украшенное жемчугом. – Старинное небось? Дорогущее?

На следующее утро после похорон Петр Васильевич приехал чуть свет. По старому христианскому обычаю они съездили на кладбище. Могилу и одинокий венок из еловых веток замело снегом. Инга плакала. Ну почему так получается? Почему люди не могут жить долго и счастливо? Почему одним обязательно нужно уходить, и тогда у других уже не получается жить счастливо? Ну просто совсем не получается. И зачем тогда жить долго?

– Ты вот что, Инга, – сказал Петр Васильевич на обратном пути, – сколько тебе времени нужно на сборы?

– Что? – Инга подняла на него непонимающие глаза.

– Забираю я тебя из Кулишек. – И, прежде чем Инга успела возразить, добавил основательно, как припечатал: – Бабушка твоя этого хотела.

Инга ничего не ответила, скользя взглядом по мелькающим в окне елкам. Сорвавшаяся с ветки ворона разбудила погруженный в дрему лес оглушительным карканьем.

«Не к добру», – подумала Инга, провожая ее глазами.

А Петр Васильевич, встревоженный Ингиным молчанием, продолжал развивать тему переезда:

– Ты пойми, не дело девушке жить одной в пустой деревне.

– Она не пустая, – возразила Инга.

– Ну почти, – согласился Петр Васильевич. – Опять же бабушка не только о тебе заботилась, но и обо мне. Я тоже не молод. А если не смогу ездить к тебе? Кто будет привозить продукты? Забирать заказы? А так я тебе уже квартиру подыскал. Прямо в доме, где наш магазин. Сможешь хоть каждый день в него заглядывать. Я же знаю, что он тебе нравится.

Магазин Инге действительно очень нравился. Впервые она попала туда лет в семь вместе с бабушкой. С точки зрения какого-нибудь гуру мерчандайзинга, это, вероятно, был просто вопиющий хаос, направленный не на стимулирование покупок, а, наоборот, на выпроваживание любого, сюда входящего, восвояси. Но для Инги это был волшебный мир, наполненный самыми настоящими сокровищами. Она была в нем как дома. Ну, может быть, почти как дома. Ей казалось, что когда-то, может быть, во сне или в другой жизни, она уже бывала здесь, до того многое ей знакомо. И древние деды морозы из ваты, и старинные елочные игрушки, таинственно мерцающие в бархатных ячейках, и антикварные шкатулки с резными замочками, и расписные яйца на серебряных подставках, и фарфоровые фигурки людей и животных, множество котиков и собачек, что сидели на полках в ожидании хозяев. Особенно вот тот здоровенный, почти в натуральную величину белый кот с хитрыми зелеными глазами – его она когда-то точно встречала. А еще стулья на гнутых ножках с бархатными сиденьями, шкафы

с несметным количеством ящичков и много-много всего интересного. Полмагазина занимал большущий черный рояль. Иногда в гости к Петру Васильевичу заходил его старинный приятель Леонид Федорович, или Леня, как попросту называл его хозяин. И тогда крышка рояля поднималась, Леня садился за инструмент и лениво, словно нехотя, начинал наигрывать вальсы Штрауса, мазурки и полонезы Шопена, менуэты и рондо Моцарта. Постепенно он входил в азарт и то набрасывался на инструмент, заставляя его греметь, словно летний гром, то, склонившись над клавишами так низко, что почти касался лбом подставки для нот, извлекать звуки, напоминавшие шорох прибоя в полный штиль. На таких импровизированных концертах Инга побывала всего трижды, но каждый раз, возвращаясь в Кулишки, ощущала непонятную тоску и тревогу. Впрочем, стоило коклюшкам завести свою песню, как все возвращалось на круги своя. И только бабушка, рассматривая новые эскизы, придуманные внучкой, удовлетворенно хмыкала.

Из Кулишек Инга уехала, когда минуло девять дней. Перед этим тщательно перебрала бабушкины вещи. Что-то спрятала в привезенные Петром Васильевичем коробки, что-то подарила соседке. К ней же отправились обеденный стол и шкаф. Накануне Петр Васильевич позволил поинтересоваться, не нужно ли заказать для перевозки вещей небольшой грузовик и привлечь на помощь Антона. Инга посмотрела на две коробки, в которых уместились все ее вещи, большую зеленую сумку из «Ашана» с принадлежностями для кружевоплетения – связками коклюшек, коробочками с булавками, крючками для соединения элементов кружева в старом школьном пенальчике. А еще тубус со сколками, «стреноженный» козлик – подставка для валика, сам валик и, конечно же, техника – ноутбук, принтер. Все это вполне поместится в багажнике автомобиля. Да и без помощников она вполне управится. Не такая уж большая тяжесть.

В последнюю ночь в Кулишках ей не спалось. Накинув на плечи бабушкин платок, Инга вышла на порог. Тут же налетел холодный ветер, затеял игру с волосами. От платка пахло бабушкой – куриным бульоном, яблоками с корицей, вкусными котлетами с чесноком, а еще мылом. Основное для кружевницы – чистые руки. Нельзя брать в руки коклюшки, не вымыв предварительно руки.

Не чувствуя холода, Инга долго смотрела на чистое небо с сияющими звездами и молодым месяцем, символом новой жизни. Зыбкую ночную тишину разорвал крик ночной птицы, Инга вздрогнула, попятилась в дом, к теплу и безопасности, к молочно-белому свету своей рабочей лампы.

– Мы с тобой обязательно приедем весной, – пообещал Петр Васильевич, когда утром нехитрые Ингины пожитки были погружены в багажник его внедорожника. – Закажем памятник, оградку, цветочки посадим.

Инга не спорила, молча соглашалась. Но что-то подсказывало ей, что Петр Васильевич не сдержит своего обещания.

Квартира ей понравилась. Небольшая комната под самой крышей трехэтажного дома, почти такого же размера кухня, ванная с зеркалом в половину стены, в котором отразилось изумленное лицо Инги. А еще огромный застекленный балкон, где по весне, как потеплеет, можно будет оборудовать мастерскую.

– А сколько нужно платить за такую квартиру? – задала Инга вопрос, мучивший ее с тех пор, как Петр Васильевич впервые заговорил о переезде.

– Не думай об этом, – отмахнулся он. – Твои работы стоят гораздо дороже.

И Инга согласилась. О бабушкином желании, чтобы она нашла свою мать, Петр Васильевич рассказал не сразу, а дня через три, наверное. Инга как раз закончила очередной заказ и, спустившись в магазин, застала там расположившегося за роялем Леонида Федоровича. Тот по привычке вяло перебирал пальцами клавиши.

– Приветствую, – сказал он, увидев Ингу. – Какие попутные ветры занесли такое милое создание в эту дыру?

– Я теперь здесь живу. На третьем этаже. Бабушка умерла, и Петр Васильевич...

Леонид Федорович оставил в покое рояль, посмотрел, нахмурившись, на Ингу, словно впервые увидел, на миг сжал пальцы в кулаки, резко распрямил их и заиграл.

Это было лучшее из всего, что Инга слышала в его исполнении. Да, пожалуй, из всего, что она слышала за всю свою жизнь. Раздумье, страсть, неумолимая сила, беспокойство, тревога, скорбь. Порой музыка словно задыхалась от волнения, и Инга ловила себя на том, что ей не хватает дыхания.

– Здорово! – выдохнула она, когда последняя нота растаяла в воздухе. – Что это было?

– Бетховен, Семнадцатая соната. Ее еще называют «Шекспировской». Сам Бетховен говорил, что написал ее по мотивам пьесы Шекспира «Буря». Так, значит, говоришь, теперь здесь живешь. А зачем?

В этом безобидном, по сути, вопросе Инга явно уловила какой-то неприятный подтекст. Она растерянно посмотрела на Петра Васильевича, ожидая, что он ответит вместо нее. Но антиквар сосредоточенно смотрел сквозь витринное окно, словно в ожидании позднего покупателя.

– В деревне почти никого не осталось, – оправдывающимся тоном начала Инга.

Но тут Петр Васильевич наконец пришел ей на помощь:

– Просто так удобнее. Вера попросила меня, как ее не станет, помочь Инге отыскать мать.

– Галину? – хмыкнул недоверчиво Леонид Федорович. – Ну-ну... А Галина этого хочет?

– Вот и спросим у нее, – сказал Петр Васильевич тоном, закрывающим дальнейшее обсуждение этой темы.

А утром, когда Инга, позавтракав, села за работу, он пришел и протянул ей листок с написанным от руки адресом.

Рослань! Ну надо же! Во время учебы в институте Инга была совсем рядом со своей матерью. Может быть, вечерами, после лекций, проходила мимо дома, где та жила. И ничего, абсолютно ничего не шевельнулось в ее душе. Хотя, если подумать, что могло шевельнуться? Понятно, что бабушка скучала по своей дочке. А она, Инга? Скучала ли она по женщине, оставшейся в ее воспоминании лишь бесплотной тенью? Хотела ли встретиться с ней? Сколько Инга ни задавала себе этот вопрос, ответа не было. И поездка в Рослань, закончившаяся бесславным бегством, не внесла ясности.

Глава 1

Федор Лебедев, программист агентства «Кайрос», шел по улице Гагаринской, где располагался офис фирмы, выискивая взглядом изменения, произошедшие со времени его отъезда в Индию для залечивания душевных ран³. В принципе все было по-старому. А если что и поменялось, то было заботливо припорошено свежим снегом. После кричащего индийского разноцветья серо-белый наряд родного города казался простым, но каким-то благородным, что ли.

Сотрудники «Кайроса», ясное дело, не ждали его возвращения. До окончания срока действия визы оставался еще почти месяц, и жизнь на берегу океана наполняла душу Федора непривычным спокойствием. Но в какой-то момент он ощутил тоску по настоящему делу. Отягощенная отсутствием привычной еды, жарой, болезненным вниманием к нему местного населения, которое любого человека с белой кожей рассматривает как объект для неперемогимого селфи, непрерывно сигнализирующими водителями, отчего во время вылазки в город голова просто отваливается, тоска эта в какой-то момент сделалась практически непереносимой, и Федор решил вернуться.

Поначалу он планировал по прилете хорошенько отоспаться, адаптироваться к изменению часовых поясов и лишь затем, через пару-тройку дней, нарисоваться в родной конторе. Но стоило шасси самолета коснуться посадочной полосы, как он в полной мере ощутил, до чего соскучился по родному городу и своим коллегам, которые практически стали его настоящей семьей. Генеральный директор – Кристина Светлова, ее зам – Тимур Молчанов, бывший оперативник – Иван Рыбак и Ася. Ася Субботина, тайная любовь Федора, которая, к сожалению, предпочла Рыбака. Но Федор не переставал надеяться, что когда-нибудь и на его улице случится праздник. Судя по имеющейся у него информации, Ася с Рыбаком еще не связали себя узами брака. А значит, вполне может случиться, что когда-нибудь Ася поймет, какой он замечательный друг и... Дальше этого «и...» воображение Федора не заходило. Но наверняка будет здорово.

По мере приближения к офису нетерпение заставляло Федора ускорять шаги, и в конце пути он уже почти бежал. Ему очень хотелось, чтобы его возвращение получилось шумным, ярким, сопровождалось взрывом радостных эмоций. Не придумав ничего лучшего, он толкнул офисную дверь и под звон висящего над ней колокольчика заорал:

– Спокойно! Без нервов! Это налет!

В следующую секунду Лебедев понял: что-то пошло не так. Во-первых, никого из сотрудников в офисе не наблюдалось, а была лишь неизвестная Федору особа преклонного возраста. Что самое возмутительное, восседала она за Федоровским столом, уставившись в монитор его компьютера, который он собственноручно комплектовал, собирал, настраивал, холил и лелеял, и чей системный блок украшал заламинированный клочок бумаги с собственноручным автографом Стива Джобса, купленным Федором за большие деньги в интернете. Впрочем, смотрела женщина в монитор недолго. Не успел Федор выговорить и половину фразы, как она вскочила и с прытью, прямо-таки неприличной для ее возраста, метнулась к столу Кристины.

– Не-е-ет! – заорал Федор, бросаясь ей наперерез и уже понимая, что произойдет дальше. В Кристином столе находилась «тревожная кнопка» системы охранной сигнализации. Причем настолько чувствительная, что срабатывала практически от чиха, а тем более от увесистого толчка.

Федор понял, что цепная реакция запущена, остановить ее он не в силах, а потому остается лишь расслабиться и дать событиям развиваться своим чередом.

---

³ О причинах поездки Федора Лебедева в Индию читайте в романе Ирины Грин «Чужая лебединая песня».

Ему повезло, первым в офис ворвался Рыбак. Опереди его бойцы группы быстрого реагирования, пришлось бы Федору носом проверять качество работы уборщицы. Следом за Рыбаком вбежали Кристина и Ася.

– Федор? – строго сказала Кристина.

– Федор, – прошептала Ася и улыбнулась. И в этой улыбке была вся она – открытая, потрясающая, невероятная.

Пока Рыбак выяснял отношения с командиром группы быстрого реагирования, Кристина познакомила Федора с новой сотрудницей – Раисой Набоковой⁴.

– Вы извините, Федор, – смущенно произнесла Раиса. – Никто не говорил, что вы приедете. А мне нужно было отчет сделать. Тайного покупателя. Меня Ася научила работать в программе на вашем компьютере. Очень удобно: раз – и готово. Ася сказала, что это вы придумали.

Скулы Федора порозовели от удовольствия. «Тайный покупатель» – одно из основных направлений деятельности фирмы, приносящее ей стабильный доход. В качестве тайных покупателей сотрудники «Кайроса» ходили по магазинам, кафе и салонам красоты. Дело, в общем-то, не сложное. Главное – представить заказчику читабельный отчет. И это с легкой руки Федора делал его компьютер.

– Может, закажем пиццу? – спросила Кристина. – Праздник все-таки.

– Нет, лучше две пиццы, – внес свою коррективу Федор.

В ожидании курьера Федор развлекал женскую аудиторию демонстрацией в своем компьютере многочисленных индийских фотографий. Рыбак тоже поглядывал краем глаза, но молча, без выражения восторгов.

К превеликому сожалению Федора, океан в натуре и на фото являл собой две очень большие разницы. В принципе он подозревал, что все будет именно так, но все равно расстроился. Зато от фото левитирующих йогов коллеги были в восторге. Федор и сам помнил чувство обалдевания, нахлынувшее на него при виде парящих в воздухе людей в восточных одеждах. И хотя взрослый Федор понимал, что это обыкновенный фокус, маленький мальчик, все еще живущий в нем, воспринимал происходящее как самое что ни на есть чудо.

– Кстати, – сказал Федор, открывая новую фотографию, – присмотрел отличную идею для нового направления детективной деятельности. Не все же нам тайнопокупательством пробавляться.

– И что это такое? – поинтересовалась Кристина, рассматривая изображение большого рекламного щита на обочине дороги.

– Свадебный детектив, – пояснил Федор.

От неожиданности Ася фыркнула.

– Это что-то вроде поиска подходящей кандидатуры? Свадебное агентство? – спросила она, смущенно прикрывая рот ладонью.

– Да нет же, – с досадой ответил Федор. – Просто в Индии родители очень ответственно относятся к выбору жениха для своих дочерей. Не пускают это дело на самотек. Они готовы заплатить любые деньги, лишь бы пристроить девочек в хорошую семью и не нарваться ненароком на какого-нибудь придурка. И ничего смешного здесь нет. Этим свадебным детективам в Индии полно. Они общаются с родственниками и друзьями жениха, собирают информацию. Если все пучком и жених оправдывает надежды, родители дают добро на свадьбу.

– Не думаю, чтобы у нас это было актуально, – заметила Кристина.

– А мне кажется... – попыталась возразить Раиса.

Но тут обсуждение прервал приход Тимура Молчанова.

---

⁴ Историю появления в «Кайросе» Раисы Набоковой читайте в романе Ирины Грин «Чужая лебединая песня».

– Федор! – Он пожал протянутую программистом руку и добавил: – Я очень рад твоему возвращению.

И Федор понимал, что Тимур не кривит душой, хотя бесстрастное лицо заместителя генерального директора, как обычно, не выражало никаких эмоций. Из-за этой привычки многие, незнакомые с иерархией «Кайроса», считали настоящим начальником именно Тимура. Хотя повода для этого тот не давал и всегда принимал сторону Кристины, даже если знал, что она ошибается. Федор подозревал, что Тимур влюблен в начальницу, но эти подозрения не подкреплялись никакими фактами. Если не считать их совместной поездки в Австралию⁵.

Тут наконец явился долгожданный курьер с пиццей. Ася с Раисой направились в переговорную накрывать на стол. Федор, бросив взгляд на Рыбака, устроившегося за столом с какой-то книгой, увязался за ними, заметив краем глаза, как Тимур с Кристиной что-то негромко обсуждают. Заметил он также, что за время отсутствия Тимур делегировал Набоковой обязанности по приготовлению кофе. Последнее обстоятельство его смутило – никто не умел так ловко управляться с офисной кофемашиной, как Тимур.

– Коллеги, – сказала Кристина, когда все, кроме Раисы, оставшейся в приемной, уселись за стол в переговорной, – кто-то недавно жаловался, что ему надоело работать тайным покупателем.

– Ага, – подтвердил Федор. – Было дело.

– К нам обратился Петр Васильевич Бородин, владелец антикварного магазина, старый знакомый нашего Тимура. – Тут Кристина посмотрела на Молчанова, и он кивком подтвердил ее правоту. – Так вот, – продолжила Кристина, – этот Бородин просит найти мать внучки его хорошей знакомой, Веры Андреевны Гусевой. Я лучше набросаю схему, а то на слух сложно получается.

Встав из-за стола, Кристина подошла к флипчарту, доске на треноге, на которой можно было писать маркером и приклеивать с помощью магнитов записки, и в левом верхнем углу написала: «Бородин». Чуть ниже добавила: «Вера Андреевна Гусева».

– Восемнадцать лет назад дочка Веры Андреевны, Галина Семеновна Гусева, оставила на ее попечение свою пятилетнюю дочь, Ингу. – На флипчарте в столбик добавились надписи: «Галина» и «Инга». – До этого никаких отношений Вера Андреевна с Галиной не поддерживала. Очевидно, между ними имел место какой-то серьезный конфликт, потому что дочь отказалась не только от родного дома, но и от имени и отчества, данных ей родителями. Впрочем, насколько я понимаю, последнее – не факт. Но об этом чуть позже. Итак, почти семь лет о дочери не было ни слуху ни духу. Затем она появляется в родной деревне с пятилетней девочкой. Согласно свидетельству о рождении ребенка зовут Инга Дунаева. Мать – Лилия Леонидовна Дунаева. Вместо имени отца стоит прочерк.

Рядом с именем «Галина» Кристина поставила знак равенства и написала: «Л. Л. Дунаева».

– Галина, – я буду называть ее этим именем, – уезжает и больше в родных Кулишках – это деревня так называется – не появляется. Девочка оканчивает школу, институт, продолжая при этом жить с бабушкой в деревне.

– Институт тоже в Кулишках, что ли? – поинтересовался Федор, откусил кусок пиццы и застонал от удовольствия.

– Институт заочный, – пояснила Кристина. – В Рослани. Все это время Бородин поддерживает связь с бабушкой и внучкой. В прошлом месяце бабушка умирает, поручив Бородину помочь Инге найти свою мать. Так как в паспорте у Инги написано, что родилась она в Рослани, Бородин обратился в местное справочное бюро и узнал адрес матери Инги. Инга отправилась в

---

⁵ Читайте об этом в романе Ирины Грин «Бог счастливого случая».

Рослань, и оказалось, что по указанному адресу действительно проживает Лилия Леонидовна Дунаева, причем с дочерью Ингой. Свидетельство о рождении девочки пропало. Когда и каким образом – неизвестно. Выяснилось это, только когда нужно было готовить документы в школу.

Таким образом, наша Инга не является дочерью Дунаевой, а Галина Гусева не меняла имя и отчество. – Кристина перечеркнула знак равенства после имени «Галина». – Наша задача сводится к тому, чтобы отыскать Галину Гусеву и помочь матери и дочери воссоединиться.

– Если у них будет такое желание, – кивнул Федор, косясь на последний кусок пищи. – Мне одному эта история со сменой имени и отчества кажется странной? Ну ладно, бабушка в Кулишках от радости, что блудная дочь вернулась, готова была всему верить. А Бородин этот? Умный же должен быть мужик, раз много лет магазин держит. Дурак бы уже сто пятьсот раз прогорел. А этот – живет себе. Ну ладно бы эта Галина выбрала имя какое-нибудь замысловатое. Вот со мной, например, в универе девчонка училась, так ее звали Петарда.

– Что? – засмеялась Ася. – Сознайся, что ты только что это придумал!

– Вовсе и нет, – с серьезным видом заявил Иван. – Петарда Самойлова. У нее страничка есть в «Инстаграме», захочешь – я тебе покажу. Мы ее Петькой звали.

– А что? Вполне себе нормальное имя, – заметила Кристина. – Креативное.

– Я, кстати, недавно читал, что один парень сменил себе имя на Джон Сноу⁶ – заметил Рыбак.

– На Джона Сноу, пожалуй, и я бы сменил. – задумчиво произнес Федор. – Но она-то поменяла Галину на Лилию, а Семеновну на Леонидовну. Считай, шило на мыло.

– А может, это имя ей карму царапало, – предположил Иван. – Вот и поменяла. По календарю выбрала. По этим, как их... святкам.

– Святцам, – деликатно подсказала Ася.

– Так не поменяла же, – напомнил Кристина, ткнув маркером в нужную строчку своей схемы.

– Да спич же не об том! – возмутился непонятливости начальницы Лебедев. – Я не могу понять, почему Бородин, судя по всему, мужчина далеко не глупый, повелся на эту историю со сменой имени. Ведь невооруженным глазом видно, что она шита белыми нитками.

– Вот Иван Станиславович, – Кристина указала маркером в сторону Рыбака, – и спросит у него.

– Я? – переспросил Иван. – Спросить-то я спрошу, отчего не спросить. Вот только скажи на милость, ты действительно считаешь, что реально найти человека через восемнадцать лет? Это же все равно что искать иголку в стоге сена!

– А чего сложного – найти эту пресловутую иголку? – поспешил вставить свои пять копеек Лебедев. – Всегда бесила эта фраза. Нужна иголка – спали сено и ходи по пепелищу с металлоискателем.

– Я считаю, реально все, – строго сказала Кристина. Эти смешки вместо серьезного обсуждения начинали ее раздражать. – Конечно, если с самого начала решить, что ничего не получится, толку не будет. Поезжай к Бородину, пообщайся, а там решим – реально или нет.

– Я правильно понял, что мне нужно ехать в Кулишки? – с грустной миной спросил Иван.

– Да нет же, Бородин живет в нашем городе. У него антикварный магазин на Лазаревской. После смерти бабушки Инги он поселил ее в том же доме.

– Подожди, Кристина, это тот самый замечательный магазинчик на Лазаревской, где мужчина играл на рояле? – спросила Ася. – Тебе там еще перчатки понравились кружевные, помнишь?

– А ведь точно, – согласилась Кристина. – На Лазаревской. Я даже не подумала, что это именно тот магазин. Кстати, перчатки эти, скорее всего, наша клиентка сплела.

---

⁶ Персонаж серии фэнтези-романов «Песнь Льда и Огня» американского писателя Джорджа Р. Р. Мартина.

– То есть как сплела? – удивленно подняла брови Ася. – Сама? Своими руками?

– А чего тут удивляться, – заметил Федор, примеряясь, как бы схватить последний кусок пиццы, чтобы никто не заметил. – Есть еще пророки в своем отечестве. Не все на откуп китайцам отдали.

– Ты просто не представляешь, какая это красота! – возразила Ася. – Я бы ни за что... Она покачала головой.

– Значит, вы с Иваном и займетесь этим делом. Прямо сейчас и поезжайте. Поговорите, может, он что подскажет. Не забудьте диктофон включить. Вечером поделитесь своими мыслями.

– А я? – Пицца мигом вылетела у Федора из головы. – Я тоже хочу!

– И ты, – согласилась Кристина. – Только ты в офисе, а Иван с Асей – на месте.

– Я бы и сам справился, – проворчал Рыбак.

Участвуя в расследованиях «Кайроса», Ася почти каждый раз попадала в переплет, поэтому Иван на правах жениха всячески пытался ее оградить от потенциально опасных дел.

– Дело в том, что Инга большую часть жизни провела в деревне. Из-за дефицита общения она испытывает определенные коммуникационные сложности. Например, боится ездить в лифте, в такси, старается по возможности избегать общения с незнакомыми людьми.

– В такси я тоже боюсь, – сказала Ася. – Иногда.

– Я знаю, – кивнула Кристина. – Поэтому ей с тобой будет легче найти общий язык, чем с Иваном.

– А спорим, что я быстрее найду эту Ингину мать? – заявил Федор.

Все промолчали, и тогда Ася, которой почему-то стало жалко рвущегося в бой программиста, протянула руку.

– Спорим! Разбей нас, Ваня.

– На что хоть спорите? – спросил Рыбак, разъединяя руки спорщиков.

– Да хотя бы на эту пиццу. – Лебедев схватил намозоливший глаза кусок. – И, поскольку я все равно выиграю, я его съем.

Глава 2

Инга осторожно сняла со сколка готовую спинку жилетки, положила на стол. Потянулась так, что захрустели косточки. Хорошо получилось. Хотя бабушка и говорила, что нельзя хвалить свою работу, но как тут не похвалить? Тем более это не совсем работа Инги. Сколки принесла заказчица. Нашла в интернете и распечатала. Инга плести по чужим сколкам не любила. Ей хотелось, чтобы каждое изделие было неповторимым, единственным в своем роде, а не тиражированием чужих разработок. Она даже придумывала им имена, причем сначала было имя, а уже потом – эскиз и сколок. Инга и в жизни делила людей на две группы – тех, кто доверяет выбор специалисту, и тех, кто норовит все решить самостоятельно, пусть даже с потерей качества. Вторую позицию она не одобряла, но не отказывать же клиенту. Клиенты – это гарантированные деньги. А денег Инге сейчас понадобится на порядок больше, чем в Кулишках. Что бы ни говорил Петр Васильевич, она будет сама платить за все. И за квартиру, и детективам за работу... Инга даже предложила убирать магазин по утрам, – бесплатно, лишь бы хоть как-то отблагодарить Петра Васильевича за все, что он сделал для них с бабушкой. Но антиквар наотрез отказался.

– Во-первых, это равносильно колке дров микроскопом. А во-вторых, у нас же есть Шурочка. Ты же не хочешь лишить нас с Антоном куска торта?

Назвать Шурочкой женщину лет пятидесяти, полностью взвалившую на себя заботу о чистоте магазина и пропитании трех (считая Ингу) его обитателей, язык не поворачивался. И так как женщина наотрез отказалась сообщить свое отчество, Инга предпочитала более уважительное «Александра». Нешумная и скорая на руку, невысокая женщина с большими натруженными руками, Александра готовила такие вкусные пироги и торты, что поспорить со словами Бородина было сложно. Инга и согласилась, но только на словах. В душе ее покоя не было. Там с некоторых пор поселился хаос, и даже привычная мантра «перевить-сплести» не помогала. Она скучала по Кулишкам, по бабушке, по бесконечной свободе. Казалось бы, ну что поменялось в ее жизни? Она все так же большую часть времени проводит за работой, причем любимой, свободу ее никто не ограничивает – гуляй не хочу. Что же тогда? Шум и крики подростков под окнами, которые не дают уснуть? Назойливый свет фонаря под окном? Осознание своей зависимости от Бородина, ставшей здесь, в городе, куда более явной?

Чтобы как-то быть полезной, Инга каждый раз, заходя в магазин, старалась сделать хоть что-нибудь нужное. Ну хотя бы стереть вездесущую пыль с многочисленных сокровищ.

Спустившись в магазин и, по привычке, тщательно отряхивая на входе сапоги, Инга взглядом оценила обстановку. Из кабинета Петра Васильевича доносилась приглушенная речь – похоже, он общался с кем-то чужим, явно не с Шурочкой или Леонидом Федоровичем, но тон беседы мирный. Антон, пользуясь отсутствием шефа, уткнулся в смартфон, не обращая внимания на находящуюся в зале покупательницу. Если бы Инга могла, она сама бы подошла к женщине, предложила помощь. Тем более что посетительница застыла перед витриной, где под стеклом были выложены сплетенные ею перчатки, сережки и колье.

Инга прошла в подсобку с хозяйственными принадлежностями, повесила на крючок пальто и взяла тряпку – сиреневую, мягкую, с цветочным запахом. Ее даже тряпкой язык не поворачивается назвать. В Кулишках – вот то были тряпки, серые, застиранные, уже и сами забывшие, чем они были в прошлой жизни. А здесь – только вот такие ароматные салфетки. Даже для пола.

Вернувшись в зал, Инга застала все ту же картину – приклеившийся глазами к смартфону Антон и застывшая на одном месте покупательница.

Инга подошла поближе к женщине. Дальше не позволял страх, приковавший ноги к полу незримыми кандалами. Женщина обернулась. Молодая, в белой вязаной шапочке, надвину-

той почти на самые брови. У нее было очень мягкое и доброе лицо. Наверное, такие в книгах называют располагающими. И все-таки Инга не могла открыть рта. Она отвела взгляд, посмотрела на кота, того самого, здоровенного, с хитрыми зелеными глазами. Оказаться бы сейчас рядом с ним! Стоит потрогать его фарфоровый бок, и станет не так страшно.

Но тут посетительница сказала, обращаясь к Инге:

– Замечательный у вас магазин. Вы же здесь работаете?

Инга испуганно кивнула. Понятно, зимой без пальто, да еще с тряпкой в руках, она точно должна иметь хоть какое-то отношение к магазину.

– А я уже второй раз прихожу, люблюсь, – сказала покупательница. – Особенно перчатки эти нравятся. Знаю, что носить мне их, в общем-то, некуда, но очень хочется такие иметь.

Страх не помешал Инге порозоветь от гордости за свое детище, а профессионал, которым она была, даже если сама так не считала, возразил:

– У вас очень маленькая рука. Эти перчатки будут вам велики. – Инга сама удивлялась, что вот так запросто разговаривает с абсолютно незнакомым человеком. – Если хотите, можно сделать по вашему размеру. Ну и рисунок подобрать другой.

– По размеру? – переспросила незнакомка.

– Ну да, – подтвердила Инга. – Покажите, пожалуйста, руку.

Женщина с готовностью протянула обе руки ладонями вниз. Тоненькие пальчики, короткие ногти покрыты бесцветным лаком. Кольца нет, но Инга была уверена, что защитник у собеседницы имеется.

– Мне кажется, вам подойдут перчатки из льна. Они будут не такими яркими, более сдержанными и благородными. Вот увидите – вам не захочется их снимать.

Инга сама себя не узнавала. Еще пять минут назад она боялась подойти к этой женщине. А теперь ей кажется, будто они знакомы с детства.

– И как долго вяжутся такие перчатки? Цена – как здесь написано? – Покупательница дотронулась пальцами до витрины.

– Насчет цены – это к шефу, а по срокам... – Инга прикинула: на жилетку потребуется еще неделя как минимум. Ну, может, если постараться, дней пять, по два с половиной на каждую полочку. Перчатки можно сделать за два дня. Итого неделя. Для верности – восемь дней... Или... Бог с ней, с жилеткой! Подождет. Инга уверенно мотнула головой и сказала: – Сделаю за три дня. В среду приходите.

– Постойте, – удивленно произнесла посетительница. – Сделаю? Так вы – Инга?

– Я? – Инга смутилась, мысли спутались. Откуда незнакомка знает ее имя?

Но та, словно почувствовав ее испуг, пояснила:

– Меня зовут Ася. Я из детективного агентства «Кайрос», вы же в курсе?

Тут она снова протянула руку, и Инга поняла, что абсолютно не боится пожать ее.

– Я вижу, вы уже познакомились! – раздался за спиной Инги голос Бородина.

Она обернулась, не без сожаления отпустив Асину ладонь. Краем глаза заметила, как Антон молниеносным движением спрятал телефон и нацепил на лицо деловое выражение, и мысленно восхитилась – ну надо же. У нее так никогда не получилось бы. Петр Васильевич вышел из кабинета в сопровождении высокого, атлетически сложенного мужчины. Инга тут же отвела взгляд, успев, однако, заметить и мужественное лицо гостя Бородина, и серо-голубые глаза, и поседевшие виски. А еще взгляд, который он бросил на Асю. На Ингу никогда в жизни никто так не смотрел. Незнакомец, кстати, тоже не удостоил ее своим вниманием, словно ее и не было вовсе.

– Как только будет хоть какая-нибудь информация, Иван Станиславович, сразу сообщайте, телефон у вас мой имеется, – сказал Бородин, провожая гостей.

Инга поняла, что они сейчас уйдут и ей ужасно не хочется, чтобы они это делали. Но язык прирос к гортани, она не то что слово сказать, глаза поднять боялась на этого Ивана Станиславовича. И тут Ася что-то сунула ей в руку и попросила:

– Вы мне тоже звоните, Инга. Если будет информация, и даже если нет, просто так звоните. Хорошо?

Даже несчастное «хорошо» у Инги не получилось. Она просто моргнула несколько раз в знак согласия с Асиными словами. Посмотрела на предмет, переданный ей, – визитка, кусочек белого картона с лаконичной надписью «Детективно-консалтинговое агентство „Кайрос“, Субботина Ася». Ниже – номер телефона. Вытащив из-под прилавка крафтовую коробочку с прозрачным окошком на крышке, в какие в магазине упаковывались покупки, Инга положила в нее визитку и подошла к витрине.

Опершись на лаковый бок рояля, она смотрела, как Иван Станиславович и Ася идут к машине. Шли они рядом, даже за руки не держались, но Инга точно знала, что эти двое – вместе. Они как Миранда и Фердинанд из Шекспировской «Бури», по мотивам которой Бетховен написал свою семнадцатую сонату. Услышав ее в исполнении Леонида Федоровича, Инга нашла аудиозапись пьесы великого драматурга. Прослушала раз, а потом еще, и еще два раза. Она представляла себя Мирандой, живущей на острове со своим отцом. Вот только бури, которая прибьет к их острову корабль с прекрасным Фердинандом, Инга не ждала. К чему принцы, когда ее маленький мирок, – сначала в Кулишках, а затем в квартире, снятой Бородиным, – и так хорош? И только сейчас, увидев этих двоих, Инга поняла: может быть, принц – это не так уж и плохо.

Иван Станиславович открыл перед Асей дверь, быстрым шагом обошел машину и сел за руль. Инга прошла в зал, машинально провела пальцами по фарфоровой спинке своего любимца. Она вдруг ясно представила эскиз перчаток, которые сплетет для Аси. И пусть они ни о чем не договорились, это же ничего не значит.

– Инга? – окликнул ее Бородин, но она лишь помахала ладонями, некогда, мол, натянула пальто и побежала домой.

Инга уже знала, как назовет свою новую работу.

Забежав в подъезд, она, по привычке, заглянула в почтовый ящик. Писем ждать было не от кого, но ящик регулярно переполняли различные рекламные издания – газеты, листовки, буклеты. Специально для такой корреспонденции какой-то доброхот поставил под ящиками пустую картонную коробку, которая периодически кем-то опустошалась и моментально наполнялась новой порцией спама. Однако Инге выбрасывать почту было стыдно. Это же чей-то труд, а значит, нужно относиться с нему уважительно и хотя бы для приличия просмотреть. Поэтому, схватив, не глядя, пачку пестрой бумаги, она побежала вверх по ступенькам. Дома бросила корреспонденцию на тумбочку в прихожей и, стягивая на ходу пальто, устремилась к компьютеру.

Пока загружался графический редактор, Инга успела повесить пальто и надеть тапочки. А после села за стол, еще раз мысленно представила будущую работу и написала ее название: «Миранда».

Глава 3

– Странная она какая-то, эта Инга, – сказал Иван, усевшись за руль и включая двигатель с печкой.

– Почему странная? – пожала плечами Ася. – Она очень творческая и увлеченная натура. Словно смотрит на мир сквозь сетку своих кружев.

– Ага, на мир смотрит, а в глаза – нет. Сталин, например, ненавидел, когда люди отводили глаза. Он воспринимал это как скрытность и темные мысли.

– Но ты же не Сталин. А она просто смущается. Сказано же тебе было – дефицит общения. Не привык человек смотреть в глаза и улыбаться, тем более чужому мужчине. А ты даже не постарался ее поддержать взглядом.

– Точно? – не поверил Иван.

– Точно, – подтвердила Ася и чмокнула его в щеку, все еще хранившую холод улицы. – А что Бородин? Есть какая-нибудь информация?

Иван хотел сказать, что нужно было идти с ним, а не зависать у витрины с безделушками, но передумал – налаживание контакта с Ингой могло в перспективе принести расследованию больше пользы, чем его общение с Бородиным. Поэтому он ответил, поморщившись:

– Информация в основном нулевая. Дед этот, Бородин, абсолютно не в теме. Последний раз видел Галю, которая сейчас может быть уже и не Галя, почти восемнадцать лет тому назад, в апреле 2001 года. Она с Ингой заходила в магазин перед поездкой в Кулишки. Инге тогда, со слов Галины, было пять лет. Так вот. Зашла она, попросилась переночевать. Бородин ее пустил в квартиру, где сейчас Инга живет. А утром он же отвез ее в Кулишки. Мать блудную дочь встретила не сказать чтобы тепло. Бородин еще не уехал – типа чай-кофе пил, а они уже начали цапаться. Сначала из-за девчонки, кто, мол, отец, да где он есть, да когда свадьба. Слово за слово...

Бородин даже грешным делом думал, что мать дочку пришибла сгоряча и прикопала где-нибудь в огороде. И только когда она, уже месяца за два до смерти, попросила отыскать Ингиных родителей, понял, что был не прав.

– Подожди, – Ася тронула Ивана за рукав, – ты сказал «родителей»?

– Ну да, родителей, а кого еще?

– Насколько я поняла, изначально речь шла только о матери.

– Послушай сама, – Иван протянул Асе диктофон и медленно тронулся с места.

– Действительно «родителей», – дойдя до нужного места в разговоре, кивнула Ася. – И как мы будем их искать?

– Думаю, без поездки в Кулишки не обойтись. Бородин тоже так считает. Дал мне ключ от дома, чтобы мы могли переночевать, если что. Да и осмотреться не мешает. Хоть он и уверяет, что никаких документов там нет, но чем черт не шутит. Вдруг Галина писала матери письма и нам удастся их найти. Может, какие-то фотографии присылала. Хоть школьные фото должны же были остаться. Галина начинала учиться в Кулишках. Потом школу закрыли, детей перевели кого куда. Галина, похоже, училась в интернате в Рослани. Может, удастся найти кого-нибудь из ее друзей? Понимаю, что времени прошло слишком много. Как сказал Лермонтов: иных уж нет, а те далече.

– Пушкин, – тихо поправила Ася.

– Что? – Шум двигателя не дал Ивану расслышать слова невесты.

– Ничего, – миролюбиво сказала она.

Приобретенная в институте специальность филолога не позволяла ей пропускать мимо ушей подобные высказывания Рыбака. С другой стороны, она не могла не чувствовать, что ее исправления воспринимаются им как придирки, раздражают его, выводят из себя.

– Короче, – покосившись на нее с подозрением, продолжил мысль Рыбак, – если ничего и никого найти не получится или у свидетелей обнаружится частичная амнезия, даже не представляю, куда двигаться дальше. Может, Федька что-нибудь найдет в интернете?

Судя по последней фразе, с идеями у Ивана действительно было туго – между ним и Федором всегда существовала негласная конфронтация.

Но Лебедеву не удалось ничего нарыть.

– Нет такого человека в интернете – Галины Семеновны Гусевой. То есть на самом деле их полно – что фамилия, что имя, что отчество, как на подбор, самые распространенные. Но все не наши, – грустно покачал головой Федор, когда в конце дня сыщики собрались в офисе.

– Можно попробовать запросить паспортный стол о женщинах, сменивших фамилию за период с 1991-го, когда Галина окончила интернат, по 2001-й, когда она приехала с Ингой в Кулишки, – предложила Кристина. – Понимаю, что вероятность очень мала, но все-таки не стоит сбрасывать ее со счетов.

– Думаю, это будет долгая песня, – скептически покачал головой Рыбак. – Может, предложим ее спеть нашему лучшему другу?

Кристина поморщилась. Лучшим другом агентства «Кайрос» был майор Щедрый Андрей Геннадьевич, старший следователь по особо важным делам⁷. Майор этот имел определенные виды на Кристину и однажды, набравшись смелости, даже сделал ей предложение руки и сердца и теперь терпеливо ждал ответа. Отказать Кристина не могла – слишком уж полезным человеком был Щедрый. Ответить согласием тоже не получалось – самостоятельная и самодостаточная женщина, она привыкла жить одна и не готова была впустить в свою жизнь чужого по большому счету человека. К тому же имелся еще Тимур Молчанов, надежно скрывавший свои чувства под элегантными английскими костюмами. Поэтому обращаться к Щедрому Кристине было не с руки, но все-таки в случае крайней необходимости она это делала.

– Хорошо, – подвела черту Кристина. – Иван с Асей с утра отправляются в Кулишки и Рослань, все остальные работают по плану. Если появятся какие-то вопросы – решаем в телефонном режиме.

---

⁷ О знакомстве майора Щедрого и Кристины читайте в романе Ирины Грин «Эффект аметистовых очков».

Глава 4

Через два часа сколок перчаток был готов, тщательно отредактированы все элементы: отвинные петельки, насновки, фоновые решетки и ходовые, идущие по всему основному узору, повороты и вилюшки. Инга распечатала его, аккуратно наклеила поверх скотч, чтобы чернила принтера ненароком не испачкали нитки, и приколотла сколок к валику.

В колонках тихо звучала «Шекспировская» соната, за окном бушевала вьюга, «перевить-сплести» пели коклюшки. Работа спорилась – Инга уже сплела большой палец, – когда в дверь позвонили. От неожиданности она вздрогнула, но тут же услышала голос Антона:

– Инга, это я!

Нехотя оторвавшись от работы, она открыла дверь.

– А меня шеф прислал. Переживает, что ты голодная. Вот, – Антон вытянул руку и продемонстрировал большой пакет, в котором угадывались контейнеры с едой.

– Спасибо, – смущенно пробормотала Инга. – Не стоило... Я бы сама...

– Ага, знаю я, как ты сама! Ночь уже, я скоро домой сваливаю. Останешься голодной. Ну все, я полетел. Разберешься, что к чему?

И Антон направился к двери.

– Так я пошел? – раздался из коридора его голос. – Не забудешь закрыть?

– Да, да, – ответила Инга.

Она только сейчас почувствовала, что голодна, и достала первую попавшуюся коробку. Гречка с котлетой, – пахнет очень вкусно. Инга поставила контейнер в микроволновку и, пока еда разогревалась, отправилась закрыть за Антоном дверь.

В коридоре ее внимание привлекла стопка газет на тумбочке, а точнее, угол конверта, выглядывающий из нее. Конверт этот был очень странным – абсолютно белым, ни адреса, ни марки. Инга повертела его в руках, посмотрела сквозь него на свет, а затем прошла в комнату, аккуратно отрезала ножницами край и вытащила сложенный вчетверо лист бумаги. Внутри была только одна строчка, напечатанная на принтере большими буквами:

«НУ И КАК ТЕБЕ ЖИВЕТСЯ НА ЧУЖОМ МЕСТЕ?»

Инга вздрогнула. Листок спланировал на пол, текстом вниз. Что это? Глупая шутка? Может, это вообще ошибка? Ведь на конверте не указан адресат. И когда оно попало в квартиру? С последней почтой или лежит уже давно? А может, его кто-то принес? Но кто? Антон? Шурочка? Зачем им это нужно? А может, это мать и дочь Дунаевы каким-то непостижимым образом вычислили ее местонахождение? Нет, те, скорее, побежали бы в полицию. А если так и сделали? Но полиция не стала бы писать письма без обратного адреса. Примчались бы с сиренами, надели наручники и увезли. Стыдно-то как! А может, обошлось бы без наручников? Нет, точно с наручниками. Щекам сделалось горячо от слез. Как они могли так быстро ее найти? Глупая! Да по телефону, ясно же! Что стоит полиции отследить человека по номеру? Сим-карту она покупала по паспорту, данные в базе мобильного оператора есть.

Нужно было что-то делать. Отключить телефон? Похоже, уже поздно. Остается только ждать неизбежного. Но это же невозможно! Единственное, что могло отвлечь от дурных мыслей, – работа. Вымыв лицо и руки холодной водой, Инга села за валик с перчаткой для Аси.

«Соберись! – скомандовала она себе. – Пока ведь ничего не случилось! Ну подумаешь, чья-то дурацкая шутка!»

«Давай же! – Она взяла в руки коклюшки. – Перевить... просто ошиблись адресом... перевить, нет сплести. А может, Антон так развлекается? Сплести, да нет же...»

Инга оставила коклюшки в покое. Вытянулась на кровати, глядя в потолок. Чужое место. Она живет на чужом месте. Речь ведь идет именно о месте. Место – это квартира. Нужно узнать

у Петра Васильевича, кто жил здесь до Инги. Может, кого-то выгнали, чтобы ее поселить. Вот этот «кто-то» и отрывается, мстит новой жиличке.

Мысль показалась убедительной, Инга даже обрадовалась.

«Надо будет завтра на всякий случай поменять замки», – подумала она, засыпая.

Утром ее разбудил отчаянный вороний крик. Она вскинулась и села на кровати, глядя в предутреннюю тишину. На светящемся табло электронных часов четыре пятьдесят пять. Сердце отчаянно колотилось в груди. «Это всего лишь глупые птицы, – шептал раскусодок, – ничего страшного». Но страх не отступал. Инга сбросила одеяло, зябко поежилась. После теплой постели пол показался ледяным. В Кулишках такого не бывало – возле ее кровати лежал старенький, местами вытертый коврик. А еще на стене висел гобелен – мишки в лесу. Славные такие медвежата. Дотронешься до них, а они мягонькие, шершавые, теплые. И совсем не страшные.

На глаза навернулись слезы, но страх, как ни странно, притупился, стал не таким резким. Тем более что истеричное карканье смазалось, а затем и вовсе стихло. И тут Ингу вдруг охватила непонятно откуда взявшаяся злость. На ворон, на человека, сознательно или по ошибке подсунувшего ей злополучное письмо, и в первую очередь на себя, что позволила дурацкому клочку бумаги выбить из колеи и бросить работу, тем самым оттянув встречу с Асей.

Нашарив ногами тапки, она накинула халат и пошла в ванную. В коридоре валялась злополучная записка. Кружевница наступила на нее пяткой, затем подняла, развернула.

«НУ И КАК ТЕБЕ ЖИВЕТСЯ НА ЧУЖОМ МЕСТЕ?»

– Живется! – Инга порвала записку на мелкие кусочки и выбросила в унитаз. Поток воды подхватил обрывки, закрутил воронкой и увлек за собой. – Живется!

Душ смыл остатки страха, и на смену ему пришло острое желание заняться делом. Пожевав, не чувствуя вкуса, вчерашнюю котлету и выпив чаю, Инга поспешила в комнату, где ее ожидала неоконченная перчатка «Миранда». На глаза попала коробочка с визиткой Аси. «Может, позвонить ей? – промелькнула мысль. – Да рано еще, спит человек. И что я ей скажу? Вот закончу перчатки, и будет повод».

Перевить-сплести, перевить-сплести. Инга не заметила, как выполнила последний ряд. Зашила две пары решетки и сняла перчатку со сколка. Осталось только сшить ее, но это уже позже, когда будет готова вторая. Инга прошла по комнате, сделала несколько наклонов и приседаний и уже было села обратно за работу, как раздался телефонный звонок. Инга внутренне сжалась, но, взглянув на дисплей, успокоилась – звонил Антон.

– Чего не заходишь? – спросил он, не дав себе труда поздороваться. – Шурочка обижается, что ты тару задерживаешь. Принесешь, или мне все бросить и тащиться к тебе?

– Ой, извини, я сейчас, – смутилась Инга. – Через минуту. Хорошо?

– Можно даже через две. Сильно не беги – скользко на улице.

Инга побежала на кухню, заглянула в холодильник. Сколько же тут еды! Остатки гречки, котлеты, суп, салат, еще один, блинчики – за неделю не съешь. Часть можно переложить в тарелки. А остальное? Не выбрасывать же! А что скажет Шурочка, узнав, что Инга почти ничего не съела? Обидится?

Шурочка не обиделась. Когда раскрасневшаяся от мороза Инга принесла только два контейнера из пяти, она только пожала плечами:

– Фигуру бережешь?

Присутствовавший при этом Антон одобрительно хмыкнул:

– Правильно делает. Если потолстеет, я на ней не женюсь.

У Инги аж закипело все внутри. Не женится он, видите ли! Да он же молодой совсем, на четвертом курсе института учится. Но внешне Инга оставалась все такой же бесстрашной.

– Спасибо, все очень вкусно, я просто не успела вчера, – не обращая на подколки продавца внимания, сказала она Шурочке.

– Хозяин – барин, – пожалала та плечами. – Это Антоша тебе вчера накладывал. Я так и думала, что не осилишь. А я сегодня голубцов наvertела. Если хочешь – возьми.

Инга пообещала голубцы попробовать, а пока пошла за тряпкой, чтобы, по обыкновению, протереть пыль. Начала, конечно же, с кота. Заглянула в зеленые глазищи, провела пальцами по выпуклой макушке и тихо шепнула:

– Привет!

– Слушай, – подошел к ней Антон, – а может, хочешь пройтись вечером? Тут в двух шагах в баре отличные бургеры.

– Я... нет... мне некогда, – смутилась Инга. Антон никогда не позволял себе ничего подобного. Наверное, Петра Васильевича нет в магазине, вот он и развлекается. – Я пойду... Да?

Инга посмотрела на Шурочку в поисках поддержки, но не тут-то было.

– А то и правда, прошлись бы. Глядишь, и работа заладится. Бургеры эти, конечно, дрянь редкостная, – тут Антон издал возмущенный возглас, но Шурочка продолжала гнуть свою линию: – И нечего спорить. Холестерин сплошной. Мясо берут, что подешевле. Перца, соли набухают – и ешь себе. А денег за одну булку с котлетой столько берут, что можно десяток котлет накрутить и столько же булок напечь. Рублей двести за один? А?

– И двести, и триста. Есть и за штукарь, – подтвердил Антон.

– За штукарь? Это за тысячу, что ли?

– Ну да.

– Золотые они, что ли? – ужаснулась Шурочка.

– Есть и золотые. Сверху золотом покрытые. Съедобным.

– Тьфу, пропасть, – возмутилась Шурочка.

Но что-то в ее голосе подсказало Инге, что она не против отведать этого самого бургера за тысячу рублей, покрытого сверху золотом.

– Я пойду? – спросила она у Шурочки.

– Иди, конечно, что с тобой поделаешь, – разрешила та.

А Антон добавил:

– Если надумаешь насчет бургера – звони.

Конечно же, Инге очень хотелось спросить, кто жил в квартире до нее, чье место она могла занять. Ведь наверняка Антону и Шурочке хоть что-нибудь, да известно. Но слова Антона не оставляли ей никакого выбора, кроме как сбежать как можно быстрее.

Придя домой, она тщательно вымыла руки и села за работу.

– Перевить-сплести, – пели коклюшки, выплетая вторую перчатку, а мысли Инги были совсем далеко. Она представляла себе здоровенный гамбургер, покрытый золотой корочкой, а еще, почему-то, уплетающего его Антона.

Глава 5

В Кулишки Иван с Асей отправились рано утром. Дорога предстояла дальняя, и Кристина предложила ехать ночным поездом. Но поезд останавливался в Екатеринино, до Кулишек, может статься, придется добираться на перекладных, и Иван для большей мобильности предпочел ехать на своей машине. Тем более что в нее можно было погрузить все необходимое для ночевки, если вдруг поблизости не окажется гостиницы, – одеяла, спальники, подушки.

Он любил путешествовать подобным образом, когда за бортом зима, ветер, а в салоне автомобиля тепло, и рядом самый родной и близкий человек, рассказывающий смешные и не очень истории. В машине Ася никогда не дремала, считая своим долгом развлекать водителя и не давать ему заснуть.

Иван ехал не спеша – хоть дорожники и постарались привести трассу в порядок, лучше не лихачить. Часто останавливались на заправках, чтобы залить в себя стаканчик кофе и загрузиться хот-догом, поэтому в Екатеринино оказались уже в сумерках и чуть не прозевали поворот на Кулишки.

– Ночуем здесь или едем дальше? – спросил Иван у Аси, сражающейся со сном. Спросил на всякий случай, заранее зная, что она не захочет останавливаться на полпути. Однако узнать не мешало – уж очень непредсказуемая штука Асин характер.

– Дальше, – ответила она.

– Готова к ночевке в машине? – уточнил Рыбак.

Ася тихо засмеялась и коротко отрапортовала:

– Всегда готова!

Дом, где когда-то жили Инга с бабушкой, был замечен снегом почти по самые окна. Не обращая внимания на горячие протесты Аси, Иван оставил ее в машине со включенной печкой, достал из багажника саперную лопату и – размахнись рука, раззудись плечо! – проложил дорожку от калитки к крыльцу.

Ключ упирался, не хотел поворачиваться в заледеневшем замке, но не на того напал. Иван поднажал плечом, слегка приподняв дверь, и механизм сработал. Дверь поддалась, и Иван вдохнул студеный дух заброшенного дома. Пахло сыростью, какими-то травами, лекарствами, старыми книгами в коленкорových переплетах. Асе точно понравится.

Рыбак щелкнул выключателем, но свет не зажегся. Подсветив себе телефоном, он прошел в комнату. Ага, печка. Значит, сейчас будет тепло. Возле печки лежала аккуратная стопка дров. Сырых, конечно, но это мелочи. Вернувшись к машине, Иван показал Асе поднятый большой палец, мол, все путем, достал из багажника бутылку жидкости для розжига и пакет древесного угля.

Через пять минут огонь разгорелся, и Иван отправился за Асей. Конечно, в доме было еще холодно, и Ася с трудом сдерживала дрожь. Натянув на голову капюшон и закутавшись в одеяло, она напоминала солдата наполеоновской армии после Бородина. Подтащив к печке стул, Иван усадил на него подругу:

– Грейся.

Обнаружив на окне огарок изрядно оплывшей свечи, он решил было разобраться, почему нет света. Щиток выглядел вполне рабочим, но Иван плюнул на это дело, решив дожидаться утра.

Вода в кране тоже отсутствовала, впрочем, как и газ. Набив снегом чайник, Иван пристроил его на печку, и вскоре он радостно зашумел, обещая в недалеком будущем угостить усталых путников горячим напитком.

Тем временем Ася, устроившись в непосредственной близости от печки, строгала бутерброды. Рыбак где-то читал, что настоящая женщина способна из ничего сделать три вещи:

салат, скандал и шляпку. Скандалисткой Ася не была, шляпок не носила – эту часть высказывания Иван считал устаревшей, уходящей корнями в эпоху, когда женщины носили шляпки из итальянской соломки с маками, как в старом советском водевиле. А вот салат... Салаты Ася действительно могла сделать практически из ничего. И еще бутерброды. Один раз Ася накормила неожиданно свалившуюся на ее голову компанию – Кристину, Молчанова и примкнувшего к ним Лебедева – одним батоном, луковицей, плавленым сырком и яйцом. Батон был в нарезке – целая куча тонких ломтиков, все остальное Ася покрошила мелко-мелко, намазала на батон и засунула в духовку. Пока закипел чайник, еда приготовилась. Даже известный приверженец фастфуда Лебедев был в восторге от такой вкуснотищи. Хотя его мнение в данном случае можно было во внимание не принимать – предвзятого отношения Федора к Асе только слепой не замечал.

Сейчас с продуктами у Аси был полный порядок: сыр, колбаса, масло, какой-то паштет и длинный, с полметра, багет.

– Это типа канапе получилось, – Ася подняла на Ивана глаза, в которых плясали отблески горящей свечи.

– Кана-что? – засмеялся Иван, сгребая ее в охапку.

Расстелив спальники возле печки, они ели бутербродики («канапушки» – так окрестил их Иван), пили чай и радовались: вою ветра за окном, потрескиванию огня в печке, стуку собственных сердец, который не заглушали одежда и одеяла.

Уложив Асю в спальник и накрыв для верности одеялом, Иван, хотя ему совершенно не хотелось, решил еще раз наведаться в машину. Батарея телефона просила зарядки, а в бардачке «Форда» имелся портативный аккумулятор.

Выйдя на крыльцо, Иван вдруг ощутил себя космонавтом в открытом космосе. Кругом, на тысячи километров, ночь, звездное небо и ни единой живой души. Не брешут собаки, не доносятся обрывки разговоров и музыки, не мерцает вдалеке свет соседских окон. Даже немного жутко. Пробежавшись по морозу до машины и обратно, Иван с удовольствием нырнул в душноватое нутро дома, настроил будильник в телефоне, чтобы тот будил его каждый час – нужно было поддерживать огонь в печке, – обнял спальник с Асей и мгновенно заснул.

Глава 6

К утру печка едва теплилась, запас дров иссяк. Но отправляться во двор для его пополнения не хотелось – очень уж темно было за окном. Иван решил вздремнуть до рассвета.

Разбудил его страшный грохот. Он вскочил, плохо соображая, где находится. Увидел испуганные Асины глаза и бесформенную фигуру, занимающую почти весь дверной проем. А еще нацеленную на него двустволку.

– Что за... – пробормотал Иван, сбрасывая остатки сна и оценивая обстановку.

Источником шума была женщина лет восьмидесяти в платке, повязанном по самые брови, длинном, почти в пол, дутом пуховике и огромных рукавицах. В таких, безусловно, очень тепло, но нажать на спусковой крючок весьма и весьма проблематично. Руководствуясь этим соображением, Иван шагнул к женщине.

– А ну стой, где стоишь! – заявила она хриплым, словно надтреснутым голосом.

Иван сделал еще один шаг, взял ружье за ствол, отвернул его в сторону и легко, практически не чувствуя сопротивления, потянул на себя.

– Стрелять буду! – завопила гостья.

Но Рыбак уже завладел оружием, переломил ствол, заглянул внутрь – патронники пустые.

– А как стрелять-то? Нечем! – усмехнулся он, отдавая женщине ружье. – Здравствуйте, бабушка!

– Ишь, внук нашелся! По чужим домам шарит! Какая я тебе бабушка?

– Здравствуйте! – Ася освободилась от спального. – Мы не шарим. Нам Инга дала ключ, мы ее друзья.

Вид Аси вкупе с ее словами несколько снизил градус агрессии утренней гостьи.

– Инга? – растерянно переспросила она. А потом уверенно заговорила: – А я смотрю – дым из трубы идет, машина чужая на дороге. Непорядок.

«Вот тебе и космос, – подумал Иван, – вот тебе и ни души».

– Так, значит, Инга, – продолжала тем временем бабуля. – Я думала, она уже забыла сюда дорогу.

– А почему? – спросила Ася. – Почему вы так думали? Дом хороший, красивый.

– Красивый? – с сомнением произнесла женщина. – Да вы моего не видели! А хотите – зайдите посмотреть. Я и чаем могу напоить. Здесь-то ни газу, ни свету нет. На печке долго будете ждать кипятка. Ну что?

Иван посмотрел на Асю и, дождавшись едва уловимого кивка, ответил:

– Чаю – это да. Это было бы в самый раз.

– Вас хоть как звать?

– Иван, а это моя невеста Ася.

– А я Мария Кирилловна. Можно баба Маша, меня тут все так зовут.

«Похоже, насчет космоса я вчера точно погорячился», – подумал Иван, натягивая куртку.

– Далеко идти-то? – спросил Рыбак, когда они вышли за калитку. Женщины налегке, а он с увесистым пакетом, куда Ася покидала оставшиеся продукты, и ружьем на плече. – Может, подьем?

– Да рукой подать, – сказала баба Маша и медленно, цепляя лапами пуховика снег на обочине, побрела вперед.

Довольно растяжимое понятие «рукой подать» означало в данном случае почти полкилометра. Иван с Асей одолели бы это расстояние играючи, но были вынуждены сдерживать шаг, чтобы не обогнуть пригласившую их женщину. О разговоре на ходу не могло быть и речи – дышала она часто, тяжело, поэтому Иван погрузился в свои мысли.

Он думал о бабе Маше, так отважно бросившейся на защиту чужого дома, где, в общем-то, и брать нечего, с незаряженным ружьем. Что это? Воспетое в песнях безумство храбрых? Элементарная скука? Потребность в общении?

– А вот и мой дом! – не дав Ивану остановиться на каком-либо варианте, провозгласила баба Маша. – Заходите, гости дорогие.

Сняв пуховик, она стала немного меньше, но выглядела все такой же болезненно полной, рыхлой, одышливой, с отеком лица, запястьями и лодыжками. Такие обычно сидят дома, а не бегают по деревне с ружьем.

Дом был не в пример больше избышки Ингиной бабушки. А может, объема ему добавляли тепло и яркий свет пятирожковой люстры, который не оставлял темноте ни единого шанса.

– Так каким все-таки ветром в наши края? – спросила баба Маша, когда гости уселись за стол, покрытый роскошной кружевной скатертью, где дымились чашки с чаем и дразнили ароматом тарелочки с едой (в основном остатками продуктов, принесенными Асей и Иваном). – Вы угощайтесь, угощайтесь.

И она подала пример, взяв бутерброд-канапушку с сыром.

– Ум-м-м-м, вкусно, – пробормотала хозяйка дома, блаженно жмурясь.

– Инга попросила нас помочь ей отыскать свою мать, – сказал Иван.

– Галку, что ли? – От неожиданности у бабы Маши отвисла челюсть. – Нет, ну оно понятно, мать, все-таки. Хотя какая она ей мать? Бросила бабке на руки и умотала.

Баба Маша взяла еще одну канапушку, откусила кусочек и задумалась.

– Если честно... О покойниках, оно, конечно, грех плохо говорить, но с Веркой, – это мать Галкина, Ингина, значит, бабушка, – так вот с ней только блаженная душа вроде Инги могла ужиться. Не знаю, как в городе, а здесь, в деревне, от Инги слова было не добиться. Партизан, а не девка. Ни за что не скажешь, что Галкина дочь. Той слово – а она в ответ десять. И с Веркой цапались постоянно.

– А из-за чего цапались? – спросила Ася.

– Да по всякому поводу. Взять даже кружева. Мы их раньше в контору сдавали. Воронички, салфетки, скатерти...

– Это ваша? – спросила Ася, погладив рукой скатерть.

– Куда мне! Я по молодости-то занималась, но все на продажу. А потом вышла замуж как полагается, огород, скотина, сын, муж – не до рукоделия. Сейчас вот – руки. – Баба Маша протянула кисти с распухшими суставами, горестно вздохнула. – А скатерть сынок привез. Купил в Германии. Подарок.

И такая гордость звучала в голосе женщины, что у Ивана защемило в груди. Он вспомнил свою мать, которую не успел навестить перед смертью.

– Так на чем я остановилась? – спросила баба Маша.

– Скатерти, салфетки сдавали в контору, – подсказала Ася.

– Да. Точно. В контору. Можно было поменять на зерно, картошку... Нитки опять же... Да много чего. Потом парнишка появился. Шустрый такой. Петькой звали. Интересовался предметами старины, ну и кружевами. Вроде как у отца его магазин был.

– Не Бородин, случайно, Петр? – Иван почувствовал интерес к разговору.

– Может, Бородин, а может, и нет. Врать не буду. Только он деньгами платил, а это не так выгодно было по тем временам. Но Верка вцепилась в него. Тогда муж ее, Семен, жив был, а Галка еще не родилась. Верка все мечтала накопить денег и в город уехать, мол, там интереснее. А кому мы нужны в том городе? Не зря говорят: где родился, там и пригодился. Но потом она забеременела и мысли эти забросила, но кружева плести не перестала. Хотя все вам скажут – негоже беременным с нитками возиться. Вот и получилось дитя крученое-перекрученное. А тут еще и Семен помер. Напился, упал по дороге домой и голову разбил. Пока утром нашли – остыть успел. Тут Верка и вспомнила мечту о доме в городе. Да только какие

кружева, когда одна на все руки? И за мужика, и за бабу, и огород на тебе, и дитя. Вот Верка и стала дочку заставлять кружева плести. Да только для кружевницы что главное? – Баба Маша лукаво посмотрела на Асю.

– Талант? – предположила та.

– И-и-и, талант! Талант – это у художника, что сколки рисует. А наша работа – перевить да сплести. Нет, дочка, у кружевницы главное – жопа. И не смотри на меня такими удивленными глазами. Жопа. Ну, или, задница. И если у тебя в этом месте шило, если горит оно, и не можешь ты ни минутки на месте усидеть, не быть тебе кружевницей. А Верка не хотела это понимать, чуть не дубиной девку к станку гнала. И что из этого вышло? Галька сбежала, как только смогла, и имела в виду эту свою мать. Вспомнила, только когда собственная дочка ей руки оттянула. Поначалу сама тащила, а как увидела, что груз не по силам, так и сбросила на мать. Все лучше, чем на улице.

А Ингу-то Верка с малолетства повязала по рукам и ногам. У той и выхода другого не было. Она ее даже в интернат не пустила, чтобы та не набралась чего лишнего. Из школы бегом домой – и за работу. Верка в огороде, а Инга у станка. Верка полы драит, а Инга у станка. Верка сумки с Екатеринына прет, а Инга у станка. Ну и Петька тут как тут. Похоже, зарабатывала Верка на Инге хорошо. Но врать не буду, я ее кубышку не пересчитывала. Вот такие-то дела наши грешные. – Баба Вера размашисто перекрестилась. – Как умерла Верка, думали, пропадет Инга. А ее Петруша, – старый уже пес, а все туда же, – прибрал к рукам, в машину усадил со всеми пожитками и поминай как звали. А теперь, получается, Инга решила Гальку найти?

– Получается, – подтвердил Иван.

– Дело нужное. Вот только хочет ли этого Галька? По мне, если бы хотела, так уже давно отозвалась бы. Но кто ее знает! Увидите, передавайте привет от бабы Маши. Хотя, она, может стать, и не вспомнит, кто такая.

– А не знаете, с кем Галя дружила? – спросил Иван.

– Можно у Кузьминичны спросить. Галька с ее дочкой в интернате училась, в Рослани.

– А где нам найти Кузьминичну? – Иван забарабанил пальцами по немецкой скатерти, что означало у него готовность двигаться дальше.

– Так чего ее искать? Сейчас сама прибежит.

Баба Маша тяжело поднялась, проковыляла к висевшему на стене телефону, который Иван до этого считал предметом интерьера, и принялась медленно тыкать пальцем в кнопки. Набрал номер, она какое-то время выжидательно прислушивалась, а потом завопила так громко, что у Ивана заложило уши:

– Кузьминична! Тут гости приехали из города, ищут Гальку Гусеву, Веркину дочку. Почему из милиции? Да нету давно милиции! Полиция! Ты посмотри, если есть какие школьные фотографии Светочки твоей, и тащи сюда.

Иван мысленно представил Кузьминичну – пожилую женщину, сидящую у теплой печки. Неужели она вот так просто, по первому зову, побежит на выстуженную улицу, чтобы помочь неизвестно кому в поисках дочери соседки, ушедшей в мир иной? Он бы пошел? Однозначно нет. И, похоже, Кузьминична тоже не собиралась никуда идти.

– Как это нет фотографий? За каким фигом они Светочке? Откуда у Верки? У Верки точно нет! Она все спалила на заднем дворе, я сама видела. Еще спрашиваю – шашлыки ты, что ли, старая, затеяла? А она – нет, говорит, архивы жгу. Не хочу, чтобы врагам достались.

– Врагам? – Иван вопросительно поднял брови.

– Ага, именно так и сказала – врагам, – подтвердила баба Маша. Теперь она одновременно разговаривала и с Рыбаком, и с Кузьминичной. – Я сама удивилась. Какие-такие у нее враги? Значит, не придешь? – это уже говорилось соседке. – Ну ладно. Тут такого сыра принесли!

Следующие пять минут баба Маша внимательно слушала, лишь изредка изрекая глубокомысленное «Угу-м».

– Ну ладно. Нет так нет. Диктуй адреса.

Баба Маша энергично замахала рукой, показывая Асе, где хранится бумага и ручка.

– Ага, пишу, Екатеринино, улица Шуйского... ага, это где такая? Ага, хорошо. Рослань, да, записала. Телефон? Давай, пишу.

Закончив разговор, баба Маша внимательно прочла написанное и протянула листок Рыбаку.

– Вот, держите. Екатеринино – там живет учительница из интерната. Она уже давно на пенсии, но на встречи выпускников каждый год приезжает. Татьяна Алексеевна ее зовут. Это Светочкин адрес, дочки Кузьминичны. А это, последний, – мой телефон. Вы уж, не сочтите за труд, позвоните мне, как Гальку сыщете. Очень уж мне интересно, как она в жизни устроилась. Позвонишь, дочка?

Баба Маша просительно посмотрела на Асю. Попроси она Ивана, тот, не моргнув глазом, сослался бы на тайну следствия. Но Ася – добрая душа, только кивнула коротко:

– Да, конечно.

После тепла бабы-Машиного дома холод показался еще более вопиющим.

– Шире шаг! – скомандовал Иван, схватив Асю за руку. Но тут за его спиной раздался крик:

– Молодые люди!

Сыщики синхронно обернулись. Презрев правила движения, по самой середине проезжей части к ним приближалась фигура в ярко-красном спортивном костюме с лыжными палками, но без лыж. Иван притормозил, покрепче прижав к себе Асю, чтобы хоть как-то защитить ее от пронизывающего ветра.

– Молодые люди! – повторила фигура. Голос явно был женским. – Это же вы ищете Гусевскую дочку?

– А вы, наверное, Кузьминична? – уточнил Иван. – Извините, не знаем вашего имени.

– Елена. Елена Кузьминична. – Женщина приблизилась настолько, что Иван понял – палки не лыжные, для скандинавской ходьбы, один из самых доступных спортивных тренажеров.

По возрасту Елена Кузьминична явно была ровесницей бабы Маши, о чем свидетельствовали глубокие борозды морщин на ее лице, но выглядела при этом она гораздо моложе.

Женщина свернула к обочине, воткнула палки в снег, высвободила руки из темляков и стащила с плеч небольшой рюкзак.

– Я с Машей поговорила, а потом вспомнила: есть у меня фотография школьная Светочкина. Есть! Хорошо, что я вас догнала. Фотографии – они вещь дефицитная. Сами понимаете – откуда им быть? Это сейчас у всех фотоаппараты, а то и просто телефоном можно снимать. А тогда как было? В школу приглашали раз в год фотографа, а потом, у кого были деньги, – заказывали. У меня сохранилась Светочкина выпускная фотография из интерната. Только сами понимаете – отдать не могу. Посмотреть – пожалуйста, а отдать...

Она расстегнула молнию на рюкзаке и вытащила наклеенную на картон фотографию в белой рамке. Наверху пять прямоугольных портретов учителей, а ниже, в три ряда, овальные фото учеников.

– Вот она, моя Светочка, – Елена Кузьминична показала на девочку с пышной копной волос на голове.

– Леонова, – прочитал Рыбак.

– Да, сейчас она Суркова, по мужу. А вот Галя. – С медальона, подписанного «Гусева Г.» на сыщиков смотрела девушка с густой челкой и распущенными по плечам светлыми локонами. – А это – Татьяна Алексеевна, учительница.

Палец в перчатке ткнулся в один из учительских прямоугольников. Иван всмотрелся в изображение женщины: короткая пушистая стрижка, тоненькая шейка, белый кружевной воротничок, этакий одуванчик. Внизу подпись – Татьяна Алексеевна Крылова.

– Я могу сфотографировать? – Иван продемонстрировал женщине телефон.

– Конечно.

Рыбак сделал несколько снимков – и всю фотографию полностью, и отдельно каждого ученика, и Татьяну Алексеевну. А Галину Гусеву и Светлану Леонову еще и с максимальным увеличением.

Аккуратно спрятав фотографию в рюкзак, Елена Кузьминична попрощалась с ними и отправилась в обратный путь, а детективы поспешили к дому Гусевых.

– Давай так, – предложил Иван. – Посиди в машине, погрейся, а я быстренько посмотрю, может, что найду в доме. А потом поедем в Екатерино.

– Я с тобой, – решительно заявила Ася.

– Холодно там. Печка остыла. Заново ее раскочегаривать смысла нет. Оставайся в машине.

Но Ася уже топала по направлению к калитке. Ивану осталось только вздохнуть и поспешить следом за ней. «Декабристка», – мысленно обозвал он подругу. И неизвестно, чего больше было в этом слове: одобрения, возмущения, раздражения, негодования или любви.

Поиски в доме ни к каким результатам не привели – ни бумаг, ни фотографий, ни писем, ни чего-либо другого, проливающего свет на судьбу трех поколений женщин, проживавших под его крышей, найти не удалось. Как будто и не жил здесь никто вовсе.

Короткий зимний день клонился к закату. Нужно было выбираться из Кулишек – не ровен час начнется снегопад. Заметет дороги, и придется ждать, когда дорожники вызволят из снежного плена. Судя по состоянию дорог, с задачей этой они справляются довольно успешно. Но ведь раз на раз не приходится. Закон бутерброда, который всегда норовит упасть маслом вниз, никто не отменял. К тому же добрая Ася, отправляясь в гости к бабе Маше, взяла с собой все съестные припасы. И если с водой проблем нет, то вопрос еды грозил вот-вот встать перед путешественниками во весь рост.

Пока ехали по деревне, Иван всматривался в окна домов, выстроившихся вдоль дороги, тщетно пытаясь уловить за деревянными ставнями признаки жизни. Кулишки напоминали медведя, погруженного в зимнюю спячку, – темные, тихие, дремучие. Выехав на трассу, Иван даже вздохнул с облегчением, прибавил газу и понесся к свету, теплу, еде. К цивилизации, одним словом.

– Наши действия? – спросил он у притихшей от усталости Аси, когда они въехали в Екатерино.

– А какие варианты?

– Тут в двух кварталах гостиница, а чуть подальше – ресторан. Я посмотрел отзывы, хвалят их солянку по-деревенски.

Ивану нестерпимо хотелось солянки. В то же время он понимал, что замерзшая Ася мечтает о душе и теплом одеяле, а лучше о паре. В таком состоянии ей кусок в горло не полезет.

– Солянка – это здорово, – сказала она без всякого энтузиазма.

– Давай так, – наконец нашел решение Рыбак, – я высаживаю тебя у гостиницы, и пока ты заселишься, еду в ресторан, заказываю еду и привожу в номер. Думаю, одноразовая посуда у них найдется.

– Здорово! – повеселела Ася. – Устроим ужин в постели!

Прозвучало это очень многообещающе.

Когда Иван вернулся, нагруженный пакетами со снедью, теплая, румяная, ароматно пахнущая Ася в белом гостиничном халате сидела на кровати и по телефону рассказывала Кристине о результатах дня.

– Хорошо, – сказала та, хотя, по мнению Ивана, ничего хорошего не было. – Сбрасывайте фотографии, завтра с утра Федор попытается с ними поработать.

– Вот еще, – возмутился Иван, когда Ася, закончив разговор, встала и подошла к нему. – Прямо на тарелочке с голубой каемочкой этому Лебедеву все подай. Мы же поспорили, кто быстрее найдет Галину! На пиццу, между прочим!

– Куплю я тебе пиццу! Самую большую! Самую-пресамую! – пообещала Ася и звонко чмокнула Ивана в щеку. – Показывай, что там у тебя?

«И зачем мне пицца? – думал Иван, выйдя из душа и разглядывая накрытый подругой стол. – У меня есть солянка по-деревенски, бутылочка вина и еще много всякой еды. А главное – Ася! Жратва – она и есть жратва. Можно корку хлеба намазать кетчупом, сверху положить шмат колбасы – вот тебе и пицца. А Ася – она одна такая в целом свете. И она – моя! Как бы Лебедев ни старался».

Глава 7

Лебедев действительно старался. За время отпуска он успел отвыкнуть от напряженной работы и теперь испытывал явный дискомфорт. Ныла шея, болела спина, слезились глаза, но сдаваться программист не собирался.

Первым делом Федор прошелся по базам всех известных российских операторов мобильной связи и выбрал номера Галин Гусевых. По мере готовности он передавал списки Раисе Набоковой, которая должна была обзвонить всех по порядку и узнать – не та ли это Галина, поисками которой занимается «Кайрос».

Покончив с мобильными операторами, Федор принялся за единую электронную базу ЗАГС. Кристину в свои планы он посвящать не стал – за взлом базы, если узнают, по головке не поглядят, и в первую очередь достанется ей, как генеральному директору. Информацию можно было получить у Щедрого, уж он-то точно не откажет. Но, во-первых, будет это не скоро, а во-вторых, Федору ужасно хотелось «сделать» Рыбака. Да, он бывалый оперативник, но Федор тоже кое на что способен.

Однако все ухищрения Лебедева оказались напрасны. Запись о рождении Инги могли еще не внести в базу, что вполне вероятно: база эта – вещь относительно новая, работает недавно, и старые записи вносятся в нее по мере возможности кадров на местах. Или же Галина к моменту появления на свет дочери действительно поменяла фамилию и имя. Проверить это можно было все в той же базе, но только за другой период – с 1990 года, когда Галина окончила школу, по 1996 год, когда, ориентировочно, родилась Инга.

К концу дня результатов не было. У Раисы, обзвонившей уже больше сотни Галин Гусевых, с трудом поворачивался язык, а Федор, устало сгорбившись в своем удобном рабочем кресле, вдруг поймал себя на мысли, что поиски иголки в стоге сена и в самом деле штука сложная.

Поэтому, когда утром следующего дня Кристина переслала ему на почту фотографию Галины, полученную от Аси с Рыбаком, Федор ощутил что-то вроде второго дыхания. Он запустил программу распознавания лиц, которая позволяла найти человека, стоило ему хоть раз засветиться в интернете. А пока компьютер решал поставленную задачу, попытался состарить фотографию, чтобы узнать, как должна выглядеть Галина сегодня. Получилось три изображения, довольно-таки заметно отличающихся друг от друга. Федор добавил их в уже работающую программу. Оставалось ждать и надеяться. Рабочий день закончился, но Федор не собирался никуда уходить. Он верил – еще чуть-чуть, и ему удастся решить поставленную перед «Кайросом» задачу.

Когда утром Кристина пришла на работу, Лебедев спал, воспользовавшись клавиатурой вместо подушки. По экрану монитора плавали золотые рыбки.

– Федя! – тихо, чтобы не испугать программиста, позвала Кристина. Тот даже ухом не повел.

Тогда она тихонько тронула его за плечо.

– Федор! Просыпайся!

Лебедев вздрогнул, открыл глаза и уставился непонимающим взглядом на рыбок. Затем, сфокусировавшись, схватил мышку, повозил ею по столу, чтобы убрать заставку, и разочарованно взвыл – надпись на экране категорически заявляла: «Поиск не дал результатов».

– Ничего, – философски заметила Кристина, глядя на привычно мятую толстовку сотрудника и непривычную щетину на щеках. Впрочем, последнее обстоятельство нисколько не придавало его облику мужественности. – Отсутствие результата – тоже результат.

А еще подумала, что, наверное, пора прибегнуть к помощи майора Щедрого. Вдруг Галина совершила что-нибудь противоправное и теперь находится в местах лишения свободы.

И мысленно добавила: «Будем надеяться, что Асе с Иваном повезет больше».

Глава 8

– Интересно, что это за Шуйский такой? – спросил Иван, забивая в навигатор название улицы, где проживала бывшая интернатская учительница Татьяна Алексеевна. Вечером Ася позвонила ей по продиктованному Еленой Кузьминичной номеру. Планов на утро у той никаких не было, и она пригласила детективов к себе домой, заранее предупредив, чтобы особо на ее память не рассчитывали, возраст, все-таки.

– Шуйский – это, наверное, имеется в виду воевода при Иване Грозном, – предположила Ася.

– Думаешь?

– Может, какой-то свой местный герой. – Она неуверенно пожала плечами.

Не узнать Татьяну Алексеевну было сложно – казалось, фотография, которую Ася с Иваном увидели в Кулишках, была сделана только вчера. Та же женщина-одуванчик – пышная копна коротких волос, тоненькая шейка. Даже воротничок был словно тем же самым. Насчет возраста бывшая учительница явно слукавила. Иван предполагал увидеть согбенную старушку лет под сто, а Татьяне Алексеевне на вид было не больше шестидесяти, а может, и не только на вид. Галина получила школьный аттестат в 1991 году. Могло в тот момент Крыловой быть тридцать? Вполне.

– Ой, ну что вы, не надо было, – смутилась Татьяна Алексеевна, принимая из Асиных рук торт, специально приобретенный для этого случая. – Мои ученики постоянно норовят привезти чего-нибудь вкусенького. Наверное, я у них ассоциируюсь с полуголодным интернатским детством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.